

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Когда Сократъ хотѣлъ было обстоятельнѣе рассмотреть четыре худыя формы правленія, замѣчаемыя какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ обществахъ, — Полемархъ и Адимантъ стали просить его, чтобы онъ яснѣе раскрылъ выше наметнутую мысль *объ общности женов и дѣтей у стражей города*. Итакъ, теперь наклоняется бесѣда къ объясненію взаимнаго отношенія въ обществахъ между мужьями и женами. Сократъ полагаетъ, что женщины, хотя по природѣ и слабы, однакожь къ исполненію общественныхъ должностей не неспособны. Поэтому и онъ, подобно мужчинамъ, должны быть образованы музыкою и гимнастикой, чтобы, наравнѣ съ послѣдними, усовершенствовались въ добродѣтели. Но какъ женщинамъ природа даетъ не однѣ и тѣ же наклонности и способности; то, помнѣнію Сократа, на способныхъ къ войнѣ должны быть возлагаемы должности воинскія, а на способныхъ къ управленію—правительственныя. Р. 449—457 В. Жены и раждающіяся отъ нихъ дѣти у стражей должны быть общими. Объ этомъ Сократъ разсуждаетъ такъ. Для общества было бы весьма полезно всегда имѣть превосходныхъ мужей и отличныхъ по добродѣтели женъ; поэтому изъ всѣхъ гражданъ должны быть избираемы наилучшіе юноши и дѣвицы и соединяемы бракомъ, чтобы поколѣніе стражей не выражалось. Для легчайшаго успѣха въ этомъ, все попеченіе о супружествахъ должно быть ввѣрено распорядительности мудраго правительства. Оно въ извѣстные праздничные дни будетъ назначать сходки и искусно поддѣванными жребіями опредѣлять брачные союзы такъ, чтобы сильнѣйшіе соединялись бракомъ съ сильнѣйшими, а худшіе — съ подобными имъ. Это должно

совершаться по жребіямъ—для того, чтобы удалить поводъ къ оскорбленію и досадѣ. Мужья позаботятся раждать дѣтей, начиная съ тридцатаго года своей жизни до пятьдесятъ пятого. По заключеніи брачныхъ союзовъ, должны быть соблюдаемы скромность и цѣломудріе, чтобы не соединялся, кто съ кѣмъ ни вздумаетъ. А чтобы число хорошихъ стражей возрастало и увеличивалось, особенно отличающіеся добродѣтелью, въ видѣ награды, будутъ получать позволеніе чаще сходиться съ женами. Р. 457 С—460 В. Отъ этихъ браковъ раждающіеся дѣти должны быть воспитываемы и образуемы публично, въ такомъ мѣстѣ, которое для прочихъ гражданъ было бы недоступно, и гдѣ будутъ питать ихъ матери, особенно богатые молокомъ. А тѣ, которыя родятся отъ худшихъ, вступившихъ въ брачный союзъ не по торжественному опредѣленію правительства, равно какъ и тѣ, которыя были или раннимъ или позднимъ плодомъ брака, должны быть воспитываемы не вмѣстѣ съ прочими, чтобы поколѣніе благороднѣйшее не смѣшалось съ испорченнымъ. Особенно надобно опасаться, чтобы никакая мать не узнала своего дитяти: равнымъ образомъ и дѣти не должны знать, кто ихъ родители. Даже самыя имена отца, матери, сына, дочери, смотря по возрасту, должны быть прилагаемы къ нимъ безразлично. Отсюда произойдетъ между всѣми величайшая любовь и согласіе; потому что, какъ скоро что-нибудь случится, — этотъ случай всѣ одинаково будутъ относить къ себѣ, какъ это бываетъ и въ человѣческомъ тѣлѣ: если который-нибудь членъ въ немъ пораженъ, всѣ прочіе члены чувствуютъ его болѣзнь, какъ собственную, сосредоточиваютъ вокругъ его свою дѣятельность и помогаютъ страдающему. Р. 460 В—461 Е.

Теперь спрашивается, продолжаетъ Сократъ: такія постановленія будутъ ли *спасительны для общества*. Чтобы судить объ этомъ правильно, нужно помнить, что въ обществѣ не можетъ быть блага выше единства и согласія, и зла—гибельнѣе раздора и разногласія между гражданами. Но согласіе между ними, повидимому, ничѣмъ такъ не утверждается, какъ изложенными теперь постановленіями. Всѣ граждане должны относиться взаимно къ себѣ дружески: такъ какъ правители общества будутъ слыть у нихъ не властителями и господами, а хранителями и

защитниками отечества; прочіе же граждане будутъ казаться не рабами ихъ, а кормителями и одѣлятелями. Вѣдь правителямъ-то не придется имѣть ничего собственнаго, но все содержаніе понадобится получать отъ общества. Притомъ, въ нашемъ обществѣ, которое связано узами взаимнаго содружества и любви, не представится никакого повода къ тяжбамъ и спорамъ, возникающимъ изъ-за земель, изъ-за наслѣдства и изъ-за другихъ стижаній; да не проявится также ни насиліе ни дерзость, если всѣ будутъ держаться въ предѣлахъ долга уваженіемъ, стыдомъ и страхомъ въ отношеніи къ старшимъ. Р. 461 Е—р. 465 С. Такимъ образомъ, не говоря даже о другихъ менѣе важныхъ вещахъ, наши граждане будутъ проводить жизнь самую счастливую: да и стражи у насъ, какъ прежде говорили, не лишены будутъ счастья; потому что имѣютъ принимать участіе въ общемъ благоденствіи, и какъ при жизни, такъ и по смерти удостоятся величайшихъ почестей. Р. 465 С—466 D.

Послѣ этого остается еще вопросъ: *осуществима ли въ какомъ нибудь обществѣ эта общность?* и есть ли возможность ввести ее? Рѣшенію такого вопроса должно предшествовать слѣдующее замѣчаніе: мальчики тотчасъ, съ самаго нѣжнаго ихъ возраста, должны быть пріучаемы къ мужеству. А это будетъ такъ, если станутъ заранѣе воспитывать ихъ для войны, чтобы они были зрителями добродѣтели и, сколько могутъ, привыкали къ воинскимъ трудамъ. Воинская дисциплина должна быть самая строгая; поэтому, оставляющіе строй или бросающіе оружіе пусть будутъ наказываемы; а сражающіеся мужественно, или для защиты отечества пожертвовавшіе жизни имѣютъ право на награды и величайшія почести. Роды войны надобно внимательно различать; потому что иначе слѣдуетъ сражаться противъ внѣшнихъ враговъ, и иначе опять противъ Грековъ. Война съ Греками не заслуживаетъ и имени войны, а скорѣе можетъ быть названа возмущеніемъ: ибо всѣ Греки соединены между собою племеннымъ сродствомъ, и потому должны щадить другъ друга; а варвары—враги по природѣ, и противъ нихъ надобно дѣйствовать неумолимо. Итакъ, еслибы произошелъ раздоръ съ Греками, — наши стражи удержатся отъ опустошенія полей, отъ пожаровъ, отъ жестокаго и безчело-

вѣчнаго насилія, которое въ отношеніи къ единоплеменникамъ беззаконно. P. 466 D—471 C.

Когда Сократъ объяснилъ это, Главконъ сталъ просить, чтобы онъ показалъ возможность осуществленія такого общества; потому что оно кажется ему весьма труднымъ. Сократъ отвѣчаетъ Главкону, что хотя это и невозможно; однакожь то общество было бы прекрасно, которое по крайней мѣрѣ близко подходило бы къ предначертанному. Причина же, по которой существующія нынѣ общества далеко отступаютъ отъ того образца совершеннѣйшей организаціи, состоитъ въ томъ, что образъ управленія обществомъ и философія являются занятіями совершенно отдѣльными, какбы не имѣли ничего общаго. Между тѣмъ отъ государства нечего ожидать хорошаго, пока не будутъ въ немъ *или философы царствовать, или цари философствовать*, а до того времени предначертанное теперь общество не осуществится. Чтобы показать всю силу этой истины и ея цѣль, Сократъ начертываетъ *образъ философа*, изъ котораго было бы видно, на что особенно въ устройствѣ общества и въ управленіи имъ слѣдуетъ обращать вниманіе. Философомъ онъ называетъ того, кто любитъ мудрость и стремится къ ней, — не ту недостаточную и несовершенную мудрость, но совершенную и всецѣлую, — увлекаясь къ ней жаждою ненасытимою. Отъ истиннаго, неподдѣльнаго философа, ищущаго τὸ βυτὸς ὄν и созерцающаго душевно самую сущность или идею, отличается онъ того, кто останавливается на созерцаніи вещей тѣлесныхъ, непрестанно измѣняющихся, и любитъ ихъ разнообразіемъ. Сократъ полагаетъ, что такой философъ никогда не можетъ достигнуть до несомнѣннаго познанія самой истины, но водится только слѣпымъ мнѣніемъ: напротивъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ достигаетъ истиннаго и достойнаго своего имени знанія; потому что духъ его постоянно обращенъ къ вѣчному, неподвижному. Есть, говоритъ Сократъ, нѣкоторый родъ вещей, существующій абсолютно и противоположный несуществующему. Съ тѣмъ родомъ соединено знаніе; а то, чего нѣтъ, никакимъ образомъ познано быть не можетъ. Но между тѣмъ, что по истинѣ есть, и тѣмъ, чего нѣтъ, занимаютъ средину вещи, подлежащія чувствамъ, которыя, существуя какъ будто самымъ дѣломъ, съ

другой стороны не существуют, а называясь несуществующими, тѣмъ не менѣе опять кажутся причастными сущности. Отсюда вошло въ обычай—называющееся прекраснымъ, добрымъ, справедливымъ, почитать безобразнымъ, злымъ, несправедливымъ. Къ числу такихъ вещей, которыя и существуютъ и не существуютъ, надобно отнести мнѣніе или *δόξαν*, находящееся въ срединѣ между знаніемъ и незнаніемъ. Простому народу истинная сущность вещей и въ голову не приходитъ; онъ занятъ только созерцаніемъ предметотъ измѣняемыхъ и водится однимъ мнѣніемъ. Подобныхъ этимъ людей мы должны отличать отъ истинныхъ философовъ; потому что они — любители мнѣній, или *φιλόδοξοι*. Дѣло же истиннаго философа стараться о познаніи самаго справедливаго, добраго, и прекраснаго, чтобы созерцать духомъ вѣчную и неизмѣняемую ихъ идею.

КНИГА ПЯТАЯ.

Такой и городъ и распорядокъ ¹, равно какъ такого чело- 449.
вѣка, я называю хорошимъ и правильнымъ, а другія, ошибоч-
ныя, — устрояется ли ими порядокъ общественный, или нази-
дается душевная нравственность людей частныхъ, такъ какъ
они неправильны, — худыми, и этого зла — четыре вида ². —
Какіе же они? спросилъ онъ. —

Я пошелъ было говорить далѣе, какъ, по моему мнѣнію,
они образуются одни изъ другихъ; но Полемархъ, сидѣвшій в.
немного далѣе Адиманта, протянулъ руку и, взявъ послѣдня-
го за плащъ на плечѣ, наклонилъ его къ себѣ и, самъ накло-
нившись къ нему, говорилъ что-то потихоньку, такъ что мы
ничего другаго не разслушали, а только это: «оставить ли
его, или какъ поступить»? — Никакъ не оставлять, громко уже
сказалъ Адимантъ. — Что это за особенность, которой вы не
оставляете? спросилъ я. — Тебя, отвѣчалъ онъ. — Видно пото- С.
му, что я — нѣчто особенное? — Ты, кажется, залѣнился, ска-
залъ онъ, похищаешь у разсужденія цѣлый и немалый от-
дѣлъ, чтобы не разсматривать его. Думаешь, мы забудемъ
легкій твой намекъ: «что касается до женъ и дѣтей, — то для

¹ То-есть, какой описанъ въ прошедшей книгѣ. Поэтому-то *тототот* стоитъ здѣсь съ членомъ.

² Это разсужденіе о четырехъ худыхъ формахъ правленія, прерванное те-
перь Полемархомъ, возобновляется въ началѣ восьмой книги.

всякаго явно, что у друзей все общее?»— Неужели это вѣрно, Адимантъ? спросилъ я. — Да, отвѣчалъ онъ. Но это вѣрное, какъ и прочее, требуетъ изслѣдованія,—какой долженъ быть способъ общности, потому что возможны многіе.—Такъ не умалчивай же о томъ, какой ты разумѣешь. Мы уже давно

- D. ждемъ, думая, что ты упомянешь гдѣ-нибудь одѣтороженіи, какъ ему быть, какъ воспитывать родившихся, и о всей этой упомянутой тобою общности женъ и дѣтей; потому что многое, даже все, входитъ въ жизнь государства—въ зависимости отъ того, правильно ли это бываетъ или неправильно. Вотъ
450. теперь, когда ты хватался за другія формы политическаго тѣла, не разсмотрѣвъ достаточно этой, намъ и показалось то, что пришлось тебѣ услышать, что, то-есть, не слѣдуетъ переходить къ иному предмету, пока не изслѣдуешь всего этого, какъ изслѣдовалъ прочее. — Такъ ужъ примите и меня въ участники своего мнѣнія, сказалъ Главконъ. — Конечно; это требованіе, Сократъ, всѣ мы раздѣляемъ, примолвилъ Тразимахъ.—Что вы сдѣлали, схвативъ меня такъ! вскричалъ я. Какое длинное, какбы опять сначала, затѣваете вы разсужденіе объ устроеніи государства! А я уже обрадовался было, изслѣдовавъ это, и былъ доволенъ, что кто тогда согласился
- V. на мои слова, тотъ могъ оставить меня въ покоѣ. Поднимая эти вопросы, вы не знаете, какое множество возбуждаете рѣчей; а я предвидѣлъ ихъ и потому обошелъ, чтобы они много не озабочивали меня.—Что же? сказалъ Тразимахъ; развѣ ты думаешь, что мы пришли сюда выплавлять золото ¹, а не разсужденія слушать?—Да, конечно, отвѣчалъ я; но вѣдь всему—мѣра.—У кого есть умъ, Сократъ, примолвилъ Главконъ, для того мѣрою-то слушанія разсужденій бываетъ цѣлая жизнь. Насъ ты оставь, и только самъ не

¹ *Выплавлять золото*—*χρυσόχρηστας οὐκ*. Глаголь *χρυσόχρηστος* употребленъ былъ въ значеніи пословицы и прилагался къ тѣмъ, которые, взявшись за какое-нибудь дѣло, теряютъ надежду на успѣхъ, которою прежде одушевлялись. Объясняютъ эту пословицу *Soidas* Т. III, р. 694. *Harpocraton* s. См. *Erasmus Adagg. Chil. III. Cent. IV, 36.*

затруднись, какъ тебѣ кажется, изслѣдовать то, о чемъ тебя спрашиваемъ: въ чемъ, то-есть, у нашихъ стражей будетъ состоять общность относительно женъ и дѣтей, и прокормленія послѣднихъ въ возрастѣ младенческомъ, — въ промежуточное время рожденія и воспитанія ихъ, когда прокормленіе, повидимому, сопряжено бываетъ съ великими затрудненіями. Постарайся же сказать, какимъ образомъ должно оно происходить. — Нелегко изслѣдовать это, почтенивѣйшій, замѣтилъ я. Вѣдь тутъ много невѣроятнаго, — еще больше, чѣмъ въ томъ, что мы прежде изслѣдовали; ибо не повѣрятъ, что говорится возможное, а если и найдутъ это осуществимымъ, то опять не повѣрятъ, что быть этому D. такъ было бы хорошо. Оттого-то и не охота касаться такихъ вещей; какъ бы не потерять словъ по-пусту ¹, любезный другъ. — Не опасайся, сказалъ онъ; вѣдь слушать тебя будутъ люди не непризнательные, не недовѣрчивые и не злонамѣренные. — А я ему: почтенивѣйшій! неужели это говоришь ты для ободренія меня? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Такъ ты все дѣлаешь напротивъ, сказалъ я. Еслибы я увѣренъ былъ, что знаю то, что говорю, — утѣшеніе было бы умѣстно; потому что человекъ, знающій истину, можетъ съ людьми умными и пріятными бесѣдовать о предметахъ вели- E. кихъ и нравящихся безопасно и смѣло: а кто самъ неуверенъ, и однакожь старается говорить, что именно дѣлаю я; — тотъ имѣетъ причину робѣть и опасаться — не того, какъ бы не сдѣлаться смѣшнымъ, — это-то было бы ребячествомъ, — а того, чтобы, уклонившись отъ истины, отъ которой все- 451. го менѣе должно уклоняться, нетолько не пасть самому, но съ собою не повалить и друзей. Поэтому, о томъ, что буду говорить, молюсь Адрастеѣ ², Главконъ; ибо надѣюсь, что мень-

¹ Какъ бы не потерять словъ попусту, *μη εὐχῆ δοκῆ εἶναι ὁ λόγος*. Слово *εὐχῆ*, какъ и лат. *votum*, означаетъ такую вещь, которой хотя и желаешь, но получить не можешь. Такое употребленіе его объясняетъ *Davis. ad Cicer. Tuscul. II, 12, p. 166, ed. Reisk.* Въ этомъ же значеніи встрѣчается оно *Reip. Libr. VI, p. 499 C: εὐχαῖς θεοῖσι λέγοντες*. VIII, p. 540 D: *μη παντάπασι ἡμᾶς εὐχὰς εἰρηκίναι*. al.

² Формулу: молюсь Адрастѣ — *προσκυνῶ τῷ Νερίδῃ* или *Ἀδράστει*, Греки

ше грѣха лежитъ на какомъ-нибудь произвольномъ убійцѣ, чѣмъ на обманщикѣ относительно похвальнаго, добраго, справедливаго и законнаго. Этой опасности лучше подвергаться для враговъ, чѣмъ для друзей. Итакъ, ты некстати убѣждаешь меня.—Но Главконъ засмѣялся и сказалъ: если чрезъ твои разсужденія, Сократъ, мы потерпимъ что-нибудь вредное, то отпустимъ тебя совершенно чистымъ отъ упрека и въ убійствѣ и въ оболъщеніи насъ. Смѣло говори.—Да, конечно, примолвилъ я,—отъ перваго-то чистымъ отпускаетъ меня и законъ; а если отъ перваго, то вѣроятно уже и отъ послѣдняго.—Ну такъ говори же, по крайней мѣрѣ по этому, сказалъ онъ.—Но вѣдь говорить-то теперь надобно опять сначала, сказалъ я; тогда только наша рѣчь, можетъ быть, вошла бы въ порядокъ. Впрочемъ и то имѣетъ видъ правильности, чтобы, по окончательномъ раскрытіи дѣла о мужчинахъ, окончить дѣло и о женщинахъ,—особенно когда ты вызываешь на это.

Для людей, по рожденію и воспитанію такихъ, какими мы изобразили ихъ, я думаю, нѣтъ иного правильнаго пріобрѣтенія дѣтей и женъ, и пользованія ими, какъ если они будутъ идти тѣмъ путемъ, по которому мы прежде повели ихъ. Рѣшено было, кажется, — мужчинъ поставить какбы стражами надъ стадомъ.— Да.— Такъ будемъ же послѣдовательно придавать и этимъ соотвѣтственное тому рожденіе и питаніе, и посмотримъ, ладно ли это выдетъ, или нѣтъ.— Какъ? спросилъ онъ.— Вотъ какъ. Думаемъ ли мы, что самки сторожевыхъ собакъ должны соблюдать то же самое, что соблюдаютъ самцы,—вмѣстѣ съ послѣдними бѣгать на охоту и дѣлать все вообще? — или этимъ, по причинѣ рожденія и воспитыванія щенятъ, какъ безсильнымъ, надобно держать внутренней караулъ дома, а тѣмъ—трудиться и имѣть всякое

употребляли для отвращенія ненависти. См. *Dorcill. ad Charit. p. 491, ed. Lips. Bergler. ad Alciphron. T. I, p. 188 ed. Wagn.* Адрастия признаваема была какъ мстительница за смерть и челоуѣкоубійство. Сократъ молится ей, потому что боится, какъ бы она не отмстила ему за нравственное убійство юныхъ душъ, которымъ угрожаетъ имъ предполагаемое ученіе объ общности женъ.

попеченіе о стадахъ? — Все общее, сказалъ онъ, кромѣ того только, что этими мы пользуемся, какъ слабѣйшими, а тѣми,—какъ сильнѣйшими.—Но возможно ли, спросилъ я, извѣстное животное употребить на тѣ же самыя дѣла, если не дано ему того же самаго воспитанія и образованія? — Невозможно.—Слѣдовательно, если мы на то же самое употребимъ женщинъ, на что и мужчинъ, то тому же самому должны и научить ихъ?—Да. — Для мужчинъ назначена музыка и гимнастика?—Да. — Слѣдовательно эти же искусства, равно какъ и воинскую науку, надобно назначить и для женщинъ, и на это самое употреблять ихъ? — По твоимъ словамъ, вѣроятно такъ.—Впрочемъ, можетъ быть, многое, примолвилъ я, будучи противно обычаю, показалось бы смѣшнымъ, еслибы дѣлалось такъ, какъ говорится. — И очень, сказалъ онъ.—А что видишь ты здѣсь самое смѣшное? спросилъ я. Не то ли, очевидно, что въ палестрахъ, вмѣстѣ съ мужчинами, будутъ заниматься гимнастикою обнаженныя женщины,—и не только В. молодая, но и состарѣвшіяся,—подобно тому какъ, не смотря на свои морщины и непріятный видъ, въ гимназіяхъ занимаются старики?—Да, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; при теперешнемъ-то порядкѣ вещей это показалось бы дѣйствительно смѣшнымъ. — Но если уже пустились мы говорить, продолжалъ я, то не слѣдуетъ ли не бояться насмѣшекъ любезниковъ, сколько бы и чего бы ни наговорили они о такомъ С. нововведеніи касательно гимнастики и музыки, не менѣе также касательно управленія оружіемъ и верховой ѣзды?—Твоя правда, сказалъ онъ.—Напротивъ, если уже начали мы говорить, то надобно идти наперекоръ суровому обычаю, — просить этихъ насмѣшниковъ, чтобы они не дѣлали своего дѣла ¹, а подумали серьезно и вспомнили, что еще немного протекло времени, когда Элинамъ, какъ теперь многимъ варварамъ, казалось стыдно и смѣшно видѣть обнаженными даже мужчинъ, и что, когда открыли гимназіи — сперва Критяне, Д.

¹ Чтобы они не дѣлали своего дѣла, т. е. не смѣялись.

потомъ Лакедемоняне¹,—тогдашніе шутники все это, должно быть, осмѣивали. Или ты не думаешь?—Согласенъ.—Но какъ скоро пользующимся гимнастическими упражненіями показалось, думаю, что лучше быть раздѣтымъ, чѣмъ окутываться,—смѣшное на взглядъ исчезло предъ тѣмъ, что по расчетамъ разсудка оказалось наилучшимъ, и стало видно, что тотъ суетенъ, кто смѣшнымъ почитаетъ нѣчто отличное отъ

Е. злаго, что намѣревающійся осмѣивать это смотритъ на какой-то иной видъ смѣшнаго, а не на безумное и дурное, и серьезно направляется къ иной цѣли, а не къ добру. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ.—Итакъ, здѣсь не прежде ли всего надобно условиться въ томъ, возможно это или нѣтъ, и спорующимъ,—шутя ли кто, или серьезно захочетъ спорить,—отдать на разсмотрѣніе, во всѣхъ ли дѣлахъ породы мужеской спо-

453. собна участвовать человѣческая природа женщины², или ни въ одномъ, или въ иныхъ можетъ, а въ другихъ нѣтъ,—да то же самое и касательно войны, — которому полу она свойственна? Не тотъ ли, должно быть, прекрасно окончить это изслѣдованіе, кто положитъ для него такое прекрасное начало?—И очень, сказалъ онъ.—Такъ хочешь ли, спросилъ я, мы, вмѣсто другихъ, будемъ спорить сами противъ себя, чтобы нападеніе на мысли противниковъ производилось не безъ защи-

В. ты ихъ?—Ничто не препятствуетъ, отвѣчалъ онъ.—Скажемъ же вмѣсто нихъ: Сократъ и Главконъ, вамъ вовсе не нужно прекословіе со стороны: вы сами, создавая государство, при началѣ устроенія его положили, что каждый, по природѣ одинъ, долженъ дѣлать одно—свое.—Думаю, положили; какъ не положить?—Но не правда ли, что женщина, по природѣ, слиш-комъ отлична отъ мужчины?—Какъ же не отлична? — Такъ

¹ По свидѣтельству Фукидида (1, 6), Лакедемоняне *πρώτοι ἐγυμνάστησαν καὶ εἰς τὸ φανερὸν ἀποδύντες λίπα μετὰ τοῦ γυμνάζεσθαι ἠλείψαντο*. Сравни Theaet. p. 162 В.

² Объ этомъ доказательствѣ см. Legg. VI, p. 780 E sqq. VII, p. 794 C. D. VIII, p. 833 C sqq. Противъ Платона говоритъ Аристотель Pol. 1, 8, § 5, ed. Schneid. p. 33, II, 1. 3. 5. 2. § 15. Сравни Morgenstern. Commentt. de Plat. Republ. p. 219 sqq.

не слѣдуетъ ли обоимъ имъ предписать и дѣло, соотвѣтствующее природѣ каждаго? — Почему не такъ? — Какъ же не погрѣшаете вы теперь, какъ не противорѣчите самимъ себѣ, утверждая, что мужчины и женщины должны дѣлать одно и то же, если природы ихъ слишкомъ отдѣлены одна отъ другой?— Можешь ли, почтеннѣйшій, оправдаться противъ этого?— Если сейчасъ, то не очень легко, сказалъ онъ. Но я тебя же буду просить и прошу изложить за насъ какой бы ни было отвѣтъ.— Вотъ это-то предвидя, Главконъ, примолвилъ D. я, и многое подобное этому, я боялся и медлилъ касаться обычной относительно избранія женъ и воспитыванія дѣтей.— Да, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ; это, кажется, дѣйствительно дѣло неудобное. — Конечно неудобное, примолвилъ я. Оно вотъ каково: упалъ ли кто въ небольшой прудъ, или въ обширнѣйшее море,— тѣмъ не менѣе все-таки долженъ плыть ¹. — Конечно. — Такъ не надобно ли и намъ плыть и стараться спастись отъ этой рѣчи— въ надеждѣ, что либо какой-нибудь дельфинъ приметъ насъ на себя, либо иная нечаянность будетъ нашимъ спасеніемъ?— Кажется, сказалъ онъ.— Хорошо E. же, продолжалъ я, авось найдемъ исходъ. Мы вѣдь согласились уже, что иная природа должна иное дѣлать, и что природа женщины иная, чѣмъ у мужчины. А теперь говоримъ, что природы иныя (то-есть различныя) должны дѣлать то же самое. Въ этомъ ли вы обвиняете насъ? — Именно въ этомъ.— Какъ благородна ², Главконъ, сила состязательнаго

¹ Это та же самая метафора, которую Сократъ воспользовался прежде, Lib. IV, p. 441 C. Сравни. ниже p. 457 B. Дельфину приписывалась дружеская готовность спасти человѣка, когда море грозилось поглотить его. *Plin. Н. N. IX, 8 sect. 7 sqq.*

² О томъ, до какой степени Платонъ не любилъ споровъ, или такъ называемой эристики, видно изъ многихъ мѣстъ его сочиненій, въ которыхъ онъ описываетъ ее болѣе или менѣе обстоятельно. См. *Sophist. p. 225 B. C. Phileb. p. 17 A. Men. p. 75 C. Phaed. p. 90 B C, p. 101 E. Phaedr. p. 261 D E.* Здѣсь онъ называетъ ее благородною въ той мысли, что теперь вдается она въ споръ противъ воли и, вслѣдъ за нимъ, толкуя о словахъ, думаетъ, будто рассматриваетъ самое дѣло, *δει δὲ ἀεὶ παντός περὶ τὸ πρῶμα αὐτὸ μᾶλλον διὰ λόγων ἢ τοῦνομα μόνον συνομολογεῖσθαι.* *Sophist. p. 218 C.*

454. искусства! сказалъ я. — Почему же? — Потому, отвѣчалъ я, что, кажется, многіе вступаютъ въ состязаніе даже нехотя, и думаютъ, что они не спорятъ, а разговариваютъ, оттого что не могутъ разсматривать предметъ разговора, раздѣливъ его на виды, но преслѣдуютъ противорѣчіе въ мысли только именное, и такимъ образомъ ведутъ другъ съ другомъ не разговоръ, а споръ. — Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, у многихъ есть эта страсть. Въ настоящемъ случаѣ не идетъ ли она,
- В. думаю, и къ намъ? — Безъ сомнѣнія, сказалъ я; мы, должно быть, нехотя попали въ противорѣчіе ¹. — Какъ? — Мысль, что не та же природа должна совершать не тѣ же дѣла, мы весьма мужественно и упорно преслѣдуемъ только по имени, нисколько не разсмотрѣвши, чѣмъ опредѣляется видъ иной и той же природы, и къ чему мы относили его тогда, когда иной природѣ приписывали дѣла иныя, а той же — тѣ
- С. же. — Да, въ самомъ дѣлѣ не разсмотрѣли этого. — Посему, продолжалъ я, намъ можно, кажется, спросить самихъ себя: — та же ли природа плѣшивыхъ и волосатыхъ, или онѣ противны одна другой? и когда согласимся, что противны, — позволять ли волосатымъ шить сапоги, если шьютъ ихъ плѣшивые, или плѣшивымъ, — если волосатые? — Это было бы смѣшно, сказалъ онъ. — Отъ другаго ли чего-нибудь смѣшно, спросилъ я, или оттого, что тогда мы положили не во всемъ ту же
- Д. и отличную природу, а сохранили только тотъ видъ отличія и подобія, который относится къ самымъ дѣламъ ²? Напри-

¹ Теперь поводъ упрекать себя въ противорѣчіи мы подали сами, слѣдовательно сами виноваты, что возбудили противъ себя эристическія нападенія, а не діалектическую бесѣду. Мы не изслѣдовали напередъ, въ чемъ состоитъ форма, или видъ, отличающій мужчину отъ женщины: не опредѣливши же этого, какъ слѣдовало, мы разсуждали только о словахъ. — Изъ этого видно, что у Платона *ἀντιλογίας ἀπτεσθαι* значить запутываться въ споръ о словахъ; а *ἀπτεσθαι τοῦ λόγου* значить входить въ самое содержаніе, или въ мысль дѣла. *Xenoph. Symp. III, 2.*

² Главная мысль, которую Сократъ раскрываетъ на страницахъ 454 С, — 457 В, состоитъ въ томъ, что, для опредѣленія значенія женщинъ въ государствѣ, надобно брать въ расчетъ не внѣшнія свойства или способности гражданъ, по которымъ они могутъ исполнять извѣстное дѣло, или поставляются въ отношеніе къ извѣстнымъ предметамъ, а свойства ихъ существенныя, которыми

мѣръ, врачъ и человѣкъ съ врачбною въ душѣ способностію имѣють, говорили мы, ту же самую природу. Или ты не думаешь?—Согласенъ.—А врачбная способность и плотничская не отличны ли одна отъ другой? — Должно быть, совершенно отличны.—Такъ если родъ мужчинъ и родъ женщинъ, продолжалъ я, являются различными относительно нѣкотораго искусства или иного дѣла, то эти дѣла, скажемъ, слѣдуетъ раздавать тому и другому: а поколику различіе ихъ обнаруживается тѣмъ, что самка рождаеть, самецъ же паруется, то здѣсь, скажемъ, вовсе нѣтъ доказательства, что женщина отличается отъ мужчины въ отношеніи къ тому, о чемъ мы говоримъ; напротивъ, еще внушается мысль, что стражи у насъ и жены ихъ должны дѣлать одно и то же. — Да и справедливо, отвѣчалъ онъ.—Послѣ сего тому, кто говоритъ противное, не прикажемъ ли мы научить насъ, по отношенію къ какому искусству или дѣлу изъ тѣхъ, кото- 455. рыхъ касаются государственнаго устройства, природа женщины и мужчины не та же, а иная? — И справедливо приказать.—Тогда, можетъ быть, и другой скажетъ, какъ ты немного прежде говорилъ, что удовлетворительно отвѣчать на это вдругъ — нелегко¹, а по разсмотрѣніи дѣла — нисколько не трудно.—Можетъ быть, и скажетъ.—Такъ хочешь ли, попросимъ того, кто противорѣчилъ намъ въ этомъ отношеніи, чтобы онъ слѣдовалъ за нами, не докажемъ ли мы ему В. какъ-нибудь, что для устроенія государства у женщины нѣтъ

они характеризуются, какъ разумныя существа, способныя преуспѣвать въ добродѣтели. Съ этой же стороны женщины ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ, слѣдовательно, могутъ исполнять тѣ самыя обязанности, къ которымъ разными видами добродѣтелей призываются и мужчины. Есть между мужчинами и женщинами разницы въ наклонностяхъ и занятіяхъ: но это не мѣшаетъ и женщинъ заниматься тѣмъ самымъ, чѣмъ занимается мужчина; какъ волосатый сапожникъ не препятствуетъ шить сапоги и плѣшивому. Есть между мужчинами и женщинами разницы половыя: но мужчина устрояетъ государство и править имъ—не потому, что онъ мужчина, — не половымъ своимъ отличіемъ; слѣдовательно, половое отличіе не можетъ въ этихъ отношеніяхъ препятствовать и женщинамъ.

¹ Указывается р. 453 С: *ὡς μὲν ἐξικίρως — οὐ πάνυ ῥάδιον.*

- своего особаго дѣла? — И очень. — Ну-ка, отвѣчай, скажемъ мы ему: такъ ли ты говорилъ, что одинъ къ чему-нибудь способенъ, а другой неспособенъ, поколику тотъ чему-нибудь научается легко, а этотъ — съ трудомъ; что одинъ, и немного поучившись, бываетъ очень изобрѣтателенъ въ томъ, чему учился, а другой, и долго занимавшись ученіемъ и упражнявшись, не сохраняетъ въ памяти того, что узналъ; и что тѣлесныя условія у перваго достаточно содѣйствуютъ его
- C. разсудку, а у послѣдняго — противятся ему? Этимъ ли, или чѣмъ инымъ, опредѣлилъ ты способнаго къ каждому дѣлу и неспособнаго? — Никто не скажетъ, что инымъ, отвѣчалъ онъ. — Такъ знаешь ли ты какое-нибудь изъ человѣческихъ занятій, въ которомъ родъ мужчинъ не былъ бы по всему этому превосходнѣе рода женщинъ? Или мы пустимся въ перечисленія, говоря о тканѣ, о приготовленіи блиновъ и мясныхъ блюдъ, въ чемъ родъ женщинъ кажется — таки чѣмъ-то,
- D. и въ чемъ уступая роду мужчинъ, онъ былъ бы очень смѣшонъ? — Ты правду говоришь, сказалъ онъ, что одинъ родъ, какъ принято вѣрить, во всемъ гораздо ниже другаго. Многія женщины, конечно, во многомъ лучше многихъ мужчинъ; но вообще бываетъ такъ, какъ ты говоришь. — И такъ, у распорядителей государства, другъ мой, нѣтъ никакого дѣла, которое было бы свойственно женщинѣ, поколику она женщина, или мужчинѣ, поколику онъ мужчина. Силы природы равно разлиты въ обоихъ живыхъ существахъ: по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; но женщина во всемъ слабѣе мужчины.
- E. — Конечно. — Такъ неужели мы будемъ все предписывать мужчинамъ, а женщинѣ ничего? — Какъ можно? — Напротивъ, можетъ случиться, думаю, что одну женщину мы назовемъ врачевательницею, а другую — нѣтъ, одну — музыкантшею, а другую — по природѣ неспособною къ музыкѣ. — Почему не назвать? — Значить, одну также гимнастичною и воинственною, а другую — рожденною не для войны и гимнастики? — Да, я думаю. — Что еще? одну — любительницею мудрости (*φιλόσοφος*), а другую — ненавистни-

цею ея (*μισθοφορας*); одну—раздражительною, а другую—чуждою раздражительности?—И это справедливо.—Значить, одну—женщиною стражебною, а другую—нѣтъ. Развѣ не такую природу избирали мы и для мужчинъ, имѣющихъ быть стражами?—Конечно такую.—Слѣдовательно, въ отношеніи къ охраненію государства, природа женщины и мужчины та же самая, кромѣ того только, что та слабѣе, а эта сильнѣе.—Явно.—Посему, для такихъ мужей должны быть избираемы и В. такія жены, чтобы онѣ, какъ годныя и сродныя имъ по природѣ, сожительствовали имъ и вмѣстѣ охраняли государство.—Конечно.—А дѣла тѣмъ же по природѣ надобно назначать не тѣ же ли?—Тѣ же.—Стало-быть, сдѣлавъ кругъ, мы возвращаемся къ прежнему и соглашаемся, что природѣ не противно—предоставить женамъ стражей музыку и гимнастику.—Безъ всякаго сомнѣнія.—Слѣдовательно, не невозможное и не С. безнадежное дѣло узаконяли мы, если постановили законъ, согласный съ природою. Скорѣе противно природѣ, повидимому, то, что вопреки этому бываетъ теперь.—Вѣроятно.—Но не было ли нашею задачею—говорить именно возможное и наилучшее?—Было.—И мы дошли до согласія, что высказали возможное?—Да.—Значить, послѣ сего надобно согласиться, что сказанное нами есть и наилучшее?—Явно.—Чтобы женщина сдѣлалась стражебною, — инымъ ли образованіемъ достигнется это у насъ въ отношеніи къ мужчи- D. намъ, и инымъ въ отношеніи къ женщинамъ,—особенно когда она получила ту же самую природу?—Не инымъ.—Какого же мнѣнія держишься ты касательно этого?—Касательно чего?—Представляешь ли ты себѣ, чтоодинъ мужчиналучше, другой хуже, или всѣхъ ихъ считаешь одинаковыми?—Никакъ.—А въ устрояемомъ нами государствѣ которые мужчины, думаешь, описаны у насъ лучшими,—стражи ли, получившіе показанное нами воспитаніе, или сапожники, наученные сапожническому ремеслу¹?—Смѣшной вопросъ, ска-

¹ Сократъ не безъ причины хорошему стражу противопоставляетъ худаго

- Е. залъ онъ.—Знаю, примолвилъ я. Что же? изъ всѣхъ гражданъ не эти самые отличные?—Далеко имъ.—Ну а изъ женщинъ? не эти будутъ самыми отличными?—Далеко и имъ, сказалъ онъ.—Но для государства есть ли что-нибудь лучше, какъ имѣть самыхъ отличныхъ мужчинъ и женщинъ?—
457. Нѣтъ.—А такими, по нашему изслѣдованію, сдѣлаются они при помощи музыки и гимнастики?—Какъ же иначе?—Стало-быть, мы начертали для государства узаконенія нетолько возможные, но и наилучшія.—Такъ.—Пусть же раздѣваются жены стражей, если только, вмѣсто одежды, онѣ будутъ облекаться добродѣтелью ¹; пусть принимаютъ участіе въ войнѣ и въ другихъ, касающихся государства стражебныхъ занятіяхъ, и не дѣлають иного. Впрочемъ, изъ этихъ самыхъ дѣлъ,
- В. женамъ, по слабости ихъ рода, надобно предоставлять дѣла болѣе легкія, чѣмъ мужьямъ. А человекъ, смѣющійся при взглядѣ на обнаженныхъ женщинъ, обнажившихся ради наилучшаго, своею насмѣшкою *пожняя незрѣлый плодъ мудрости*, какъ видно, не знаетъ, надъ чѣмъ смѣется и что дѣлаеть ². Вѣдь прекрасно, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ и будутъ говорить, что хорошо полезное, а постыдно вредное.—Безъ всякаго сомнѣнія.—

сапожника. Между ремесленниками тогдашняго времени *κωτοτόμοι* почитались людьми самыми развратными и презрѣнными. *Heindorf. ad Charm. p. 163 B, εἰ τὰ τοιαῦτα ἐχάλει—οὐδενὶ ἂν βουλοῦς φάσαι εἶναι κωτοτομοῦντι ἢ ταριχοπωλοῦντι κ. τ. λ.*

¹ Асть въ этихъ словахъ Платона видитъ приравленіе къ словамъ Иродота, I, 8: *ἄμα δὲ χιτῶν ἐκδυομένην συνεκδύεται καὶ τὴν αἰδῶ γυνή.* Но мнѣ кажется, философъ могъ и самъ собою придти къ этому выраженію; потому что глаголы *ἐκδύσθαι* и *ἐμψύσθαι* часто принимаемы были въ смыслѣ одѣванія и раздѣванія нравственнаго. *Gatak. Opp. Crit. p. 223 sq.*

² Это мѣсто, равно какъ и прежнее, p. 452 В. С, показываетъ, что постановленіе Спартанцевъ, по которому и женщины, подобно мужчинамъ, занимались гимнастическими упражненіями, раздѣвались въ палестрахъ, было осмѣиваемо аѣнскими комиками еще прежде, чѣмъ вышло въ свѣтъ Платоново Государство. Посему нельзя согласиться съ Моргенштерномъ (*Comment. p. 73*), будто, судя по этому мѣсту, надобно полагать, что Аристофанъ, въ своихъ *Ecclesiaz.*, осмѣиваетъ мысли Платона о гимнастикѣ женщинъ, и будто Платоново Государство, на этомъ основаніи, издано прежде 96 или 97 олимп. Слова: *пожняя незрѣлый плодъ мудрости*. взяты у Пиндара. Свидѣтельствуеть Стобей—*Sermon. CCXI, p. 711.* Сравн. *Voeck. Pind. T. II, P. 11, p. 669.*

Итакъ, постановляя этотъ законъ касательно женщинъ, мы избѣгнемъ, говоримъ, какбы волны, чтобы не вовсе захлебнуться ¹, если положимъ, что сторожа у насъ и сторожихи должны всѣмъ заниматься съобща: тогда наша рѣчь, такъ С. какъ она говоритъ о возможномъ и полезномъ, согласна будетъ сама съ собою.—И дѣйствительно, немалой волны избѣгаешь ты, сказалъ онъ.—Но вотъ ты скажешь, что она невелика, когда увидишь дальнѣйшее.—Говори-ка, посмотрю, сказалъ онъ.—За этимъ и другими прежними законами идетъ, думаю, слѣдующій, продолжалъ я.—Какой?—Тотъ, что всѣ эти женщины должны быть общими ² всѣмъ этимъ мужчинамъ, D.

¹ Сократъ продолжаетъ здѣсь выдерживать прежнее подобіе, р. 453 В, представляя предметъ какбы моремъ, плывя по которому, онъ подвергается опасности потонуть и увлечь съ собою слушателей.

² Моргенштернъ (Comment. de Rep. 224) говоритъ: Nullam beatam esse posse civitatem Plato arbitrabatur, in qua esset inter cives dissensio et discordia; nullum adeo vere perfectam, in qua aliud videretur privatae utilitatis studium, aliud salutis publicae. Infestae illius dissensionis semina ut exstirparentur, commendatam ab eo vidimus bonorum apud milites civitatis suae communionem. Verum cui malo hac via occurrere voluit, ejus vim tantum existimabat, ut uno illo remedio non acquiesceret. Aliud insuper, quo ab alia quadam parte pestis fons praeccluderetur, excogitavit. Loquor jam de famosissima illa uxorum et liberorum, quam vocant, communiione. Alii hoc commentum refutarunt, alii irriserunt, detestati sunt alii, alii excusaverunt, pauci satis intellexerunt aut recte judicaverunt. Последнее, то-есть непониманіе Платонова ученія объ общности женъ и дѣтей, чаще всего заставляло порицать предначертанное великимъ философомъ государство. Въ основаніи сужденія объ этомъ предметѣ надобно положить то, что Платонъ, какъ высокій моралистъ, грубо противорѣчилъ бы началамъ собственной своей иѣйки, еслибы общность женъ понималъ въ смыслѣ обыкновеннаго чувственнаго социализма. См. ниже, р. 458 E. Нѣтъ, этого быть не могло. Философъ имѣлъ въ виду изгнать изъ своего государства всякое представленіе собственности, полагая, что гражданъ особенно раздѣляетъ и ссоритъ мысль о *моемъ* и *твоемъ*; поэтому на все, что есть въ государствѣ, онъ смотрѣлъ, какъ на предметы, принадлежащіе исключительно государству и зависящіе единственно отъ его распоряженій. Такимъ образомъ и женщины, или дѣвицы, суть достояніе тоже государственное, и выборъ ихъ ни для какихъ частныхъ лицъ не позволителенъ; одно только правитель-ство, — умъ общества, имѣетъ право раздавать ихъ стражамъ, по собственному усмотрѣнію, подобно тому, какъ гостямъ, обѣдающимъ за однимъ столомъ, метръ д'отель раздаетъ тарелки съ супомъ, чтобы каждый гость кушалъ свое, а чужой тарелки не касался. Итакъ, выраженіе: τὰς γυναῖκας τῶν ἀνδρῶν πάσας εἶναι κοινὰς, надобно разумѣть такъ, какбы сказано было: τὰς γυναῖκας τῶν ἀνδρῶν, πάσας τοῦ κοινοῦ εἶναι, καὶ μηδενὶ αὐτῶν ὡς περὶ ἰδίαζόντων συνοικεῖν. Противъ этого ученія много писалъ Аристотель. Polit. II, 2. Histor. animal. IX, 1.

что ни одна не должна жить частно ни съ однимъ; — тоже опять общими — и дѣти, такъ чтобы и дитя не знало своего родителя, и родитель — своего дитяти. — Этотъ гораздо больше того, относительно къ невѣрію въ возможность и пользу ихъ, сказалъ онъ. — Касательно пользы-то, что, то-есть, имѣть общихъ женъ и общихъ дѣтей есть величайшее благо, лишь бы это было возможно, не думаю, чтобы стали сомнѣваться, продолжалъ я. Полагаю, что большее встрѣтится сомнѣніе

Е. касательно возможности этого. — Очень естественно возникнуть сомнѣнію въ томъ и другомъ, сказалъ онъ. — Ты все-таки соединяешь эти предметы, примолвилъ я: а у меня была мысль — отъ одного-то изъ нихъ ускользнуть. Признай ты это полезнымъ, думалъ я: тогда мнѣ останется не болѣе, какъ говорить о возможности. — Да не утаился, видишь, съ своимъ стараніемъ ускользнуть, сказалъ онъ; дай отчетъ въ томъ и другомъ. — Надобно подвергнуться приговору, примолвилъ я. Однакожъ, будь ко мнѣ сколько-нибудь милостивъ: позволь мнѣ попировать, какъ обыкновенно пируютъ души лѣнивыя, находя пирушку въ самихъ себѣ ¹, когда идутъ однѣ. Вѣдь такія-то, прежде чѣмъ выдумываютъ, какъ состоится то, чего имъ хочется, оставляютъ это, чтобы не обременять себя размышленіемъ о возможности или невозможности желаемого, и, представляя его какбы уже осуществившимся, строить дальнѣйшее и весело пробѣгаютъ мыслию, что будутъ они дѣлать, когда это состоится, и такимъ образомъ душу

В. лѣнивую дѣлаютъ еще лѣнивѣе. Такъ вотъ и я ослабѣваю, и первое, то-есть, возможно ли ² предполагаемое, хочу пропу-

¹ *Попировать* — находя пирушку въ самихъ себѣ, *ἐορτάσαι, ὡςπερ οἱ ἄρτοι τῆν διανοίαν εἰσθάσιν ἐσθιάσθαι ὑρ' ἑαυτῶν*. Сократъ указываетъ на такую дѣятельность души, которая называется мечтательностію, или развитіемъ пріятныхъ представлений о предметѣ, будто бы дѣйствительныхъ, тогда какъ они нетолько не дѣйствительны, но, можетъ быть, и неосуществимы. *Valkenar. ad Theocrit. Adoniaz. v. 25: ἀεργοῖς αἴεν ἐορτά· — θέντες ὡς ὑπάρχον.*

² *Возможно ли* — *εἰ δυνατόν*; въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ *ἢ δυνατόν*. Но первое чтеніе справедливѣе: потому что сомнѣніе здѣсь не въ томъ, какимъ образомъ (ἢ) это возможно, а въ томъ, возможно ли (εἰ) это.

стить и рассмотреть это послѣ; а теперь, представивъ дѣло возможнымъ, рассмотрю, если позволишь, какъ распоряжались бы имъ правители, когда бы оно уже было, и докажу, что такой порядокъ дѣлъ для государства и стражей былъ бы всего полезнѣе. Это я постараюсь изслѣдовать тебѣ, если позволишь, напередъ, а потомъ изслѣдую и то. — Позволяю, сказалъ онъ; изслѣдывай. —

Итакъ, если и правители и помощники ихъ равнымъ образомъ будутъ достойны своего имени, началъ я; то одни, С. думаю, захотятъ исполнять предписанія, а другіе — предписывать, частію сами повинуюсь законамъ, частію подражая всему, что ими внушается. — Вѣроятно, сказалъ онъ. — Поэтому ты, въ качествѣ законодателя, продолжалъ я, какъ избралъ мужчинъ, такъ изберешь и женщинъ, и раздашь ихъ, сколько можно будетъ, по способностямъ: а они, имѣя общія жилища и общій столъ, и не владѣя частно никакою соб- D. ственностію, будутъ вмѣстѣ и, смѣшиваясь между собою, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ другихъ условіяхъ воспитанія, самою, врожденною имъ, думаю, необходимостію повлекутся къ взаимному совокупленію. Или тебѣ не кажется необходимымъ мое заключеніе? — Подобныя необходимости, по крайней мѣрѣ, не геометрическія, а эротическія ¹, сказалъ онъ, которыя толпу убѣждаютъ и увлекаютъ, должно быть, живѣе, чѣмъ первыя. — И очень, примолвилъ я. Но послѣ этого-то, Главконъ, совокупляться безпорядочно, или дѣлать иное, тому E. подобное, въ обществѣ людей счастливыхъ, было бы нечестно, да и правители не позволяютъ. — Потому что это несправедливо, сказалъ онъ. — Такъ явно, что послѣ этого мы установимъ браки, — и браки, сколько достанетъ силъ, священные; священными же пусть будутъ самые полезные. — Безъ всякаго сомнѣнія. — А какъ будутъ они самыми полезными? скажи

¹ О необходимости геометрической и эротической см. Gorg. p. 472 E. Sympos. p. 223 D. Fabricius ad Sext. Empir. adv. Math. III, p. 327. Необходимости эротическія у Плутарха (vit. Lycurg. p. 48 C) ἔλλοισι τὸν πολὺν λεῶν, то-есть τοὺς πολλοὺς. Напротивъ, необходимость геометрическая подчинена закону ума.

459. мнѣ это, Главконъ. Вѣдь въ твоёмъ домѣ я вижу и гончихъ собакъ, и множество благородныхъ птицъ. Ты, клянусь Зевсомъ, обращалъ нѣкоторое вниманіе на ихъ браки и дѣторожденіе?— Какое вниманіе? спросилъ онъ.— Во-первыхъ, между этими самыми животными, хотя они вообще благородны, нѣтъ ли и не бываетъ ли отличныхъ?— Есть.— Такъ отъ всѣхъ ли равно дѣлаешь ты приплодъ, или стараешься дѣлать его особенно отъ
- B. отличныхъ?— Отъ отличныхъ.— Что жъ? отъ самыхъ молодыхъ, или отъ самыхъ старыхъ, или отъ тѣхъ, которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ?— Которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ.— И если приплодъ не таковъ, ты полагаешь, что порода птицъ и собакъ будетъ у тебя гораздо худшая?— Да, полагаю.— А что думаешь о лошадяхъ и о другихъ животныхъ? продолжалъ я: иначе ли бываетъ съ ними?— Это было бы странно, сказалъ онъ.— Ахъ, любезный другъ, примолвилъ я, — сколь же совершенные нужны намъ правители, если такъ бываетъ и съ человѣческимъ родомъ!— Да, именно такъ бываетъ, сказалъ
- C. онъ. Такъ что же?— То, отвѣчалъ я, что имъ необходимо пользоваться многими лекарствами. Если тѣла не имѣютъ нужды во врачебныхъ средствахъ, и охотно подчиняются діетѣ; то для нихъ мы почитаемъ достаточнымъ и плохаго врача: а когда уже надобно употреблять лекарства; тогда, извѣстно, нуженъ врачъ болѣе мужественный.— Правда; но къ чему это говоришь ты?— Къ тому, сказалъ я, что правителямъ у насъ, должно быть, понадобится, для пользы управляемыхъ, часто
- D. употреблять ложь и обманъ; полезно же это въ видѣ лекарства, говорили мы, кажется.— Да и правильно, сказалъ онъ.— Такъ это правильное, повидимому, бываетъ не въ малой мѣрѣ при бракахъ и дѣторожденіи.— Какимъ же образомъ?— По допущенному выше, отвѣчалъ я, надобно, чтобы отличные соединялись (бракомъ) большею частію съ отличными, а худшіе, напротивъ, съ худшими, и чтобы первые изъ нихъ воспитывали дѣтей, а послѣдніе—нѣтъ, если стадо имѣеть
- E. быть самымъ превосходнымъ; и все это должно скрываться въ тайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ правителей, если стаду стражей

нужно быть опять наименѣе возмутимымъ. — Весьма правильно, сказалъ онъ. — Такъ не должны ли быть учреждены праздники, на которые мы соберемъ невѣсть да жениховъ, и на которыхъ будутъ совершаемы жертвоприношенія, а наши поэты постараются воспѣвать приличные тогдашнимъ бракамъ гимны? Количество же браковъ не возложить ли намъ на правителей, чтобы они, имѣя въ виду войны, болѣзни и все такое, позаботились припасти нужное число мужчинъ, и чтобы такимъ образомъ государство у насъ было, по возможности, и не велико, и не мало. — Правильно, сказалъ онъ. — Притомъ, надобно, думаю, избрѣсть какіе-нибудь хитрые ¹ жребіи, чтобы тотъ худой мужчина вину каждаго сочетанія возлагалъ на случай, а не на правителей. *Και τοῖς ἀγαθοῖς γέ Β. που τῶν νέων ἐν πολέμῳ ἢ ἄλλοθί που γέρα δοτέον και ἄλλα ἄλλα τε και ἀφθονεστέρα ἢ ἐξουσία τῆς τῶν γυναικῶν ξυνοικιήσεως ἵνα και ἅμα μετὰ προφάσεως ὡς πλείστοι τῶν παιδῶν ἐκ τῶν τοιούτων σπεῖρονται².* — Правильно. — И всегда раждающихся дѣтей не должны ли брать поставленные надъ этимъ власти, состояція либо изъ мужчинъ, либо изъ женщинъ, либо изъ тѣхъ и другихъ, — ибо и власти, вѣроятно, будутъ общими женщинамъ и мужчинамъ? — Да. — Взявъ дѣтей ^{С.} отъ добрыхъ, онѣ будутъ относить ихъ, думаю, въ огражденное мѣсто, къ нѣкоторымъ кормилицамъ, живущимъ отдѣльно, въ извѣстной части города; а дѣтей отъ худыхъ, и вообще всѣхъ, родившихся съ тѣлесными недостатками, стануть скрывать, какъ слѣдуетъ, въ тайномъ и не извѣстномъ мѣстѣ. — Если только надобно имѣть чистую породу стражей, сказалъ онъ. — Не позаботятся ли они также и о пищѣ, приводя въ то огражденное мѣсто матерей, когда набряхнутъ у нихъ груди (причемъ

¹ О хитрыхъ жребіяхъ, при выборѣ лицъ для сочетанія ихъ бракомъ, Платонъ нѣсколько полнѣе высказывается, въ началѣ Тимея, р. 18 D: *ἀρ' οὐ μεμνήμεθα, ὡς τοὺς ἄρχοντας ἔφαμεν και τὰς ἀρχούσας δεῖν εἰς τὴν τῶν γάμων ξύνεργον λάθρα μηχανᾶσθαι κλήροις τισίν, ὅπως οἱ κακοὶ χωρὶς οἱ τ' ἀγαθοὶ ταῖς ὁμοίαις ἐκάτεροι ξυλλέξωνται και μὴ τις αὐτοῖς ἔχθρα διὰ ταῦτα γίγνηται, τύχην ἡγουμένους αἰτίαν τῆς ξυλλέξεως.*

² *Sat sapienti, cui bene persuasum est, Platonem, uti Homcrum, quandoque dormitasse.*

употреблять все искусство, чтобы ни одна изъ нихъ не узнала
 D. своего дитяти), и доставая другихъ, имѣющихъ молоко, если
 матери будутъ недостаточны? Не попекутся ли и о самыхъ
 этихъ питательницахъ, чтобы онѣ воздаивали дѣтей умѣрен-
 но, во-время, и не назначать ли мамкамъ и кормилицамъ ча-
 совъ бдѣнія и другаго труда?—Ты женамъ стражей достав-
 ляешь великое облегченіе въ дѣторожденіи, сказалъ онъ. —
 Да такъ и надобно, примолвилъ я. Но пойдемъ далѣе къ своей
 цѣли. Вѣдь мы уже сказали, что дѣти должны рождаться отъ
 E. людей цвѣтущаго возраста?—Правда.—Но не кажется ли те-
 бѣ, что умѣренное время цвѣтучести для женщины есть двад-
 цать лѣтъ, а для мужчины—тридцать?—Сколькими же го-
 дами оно ограничивается? спросилъ онъ.—Женщинѣ можно
 рождать для города, начиная отъ двадцатаго до сороковаго
 года, отвѣчалъ я; а мужчинѣ, протекши порывистую цвѣту-
 чествомъ возраста ¹, можно рождать для города отъ этого вре-
 461. мени до пятидесяти лѣтъ.—Дѣйствительно, сказалъ онъ; въ
 эти именно годы цвѣтетъ тѣлесно и умственно тотъ и другой
 полъ.—Посему, кто, будучи старѣе или моложе этого, посяг-
 нетъ на ражденіе дѣтей для города, тому мы вмѣнимъ это въ
 грѣхъ, какъ дѣло нечестивое и несправедливое,—для чего за-
 чалъ онъ государству дитя, которое, какъ покрытое тайною,
 должно было родиться не отъ сѣмени, освященнаго жертвами
 и молитвами, какія приносятся жрицами и жрецами и всѣмъ
 городомъ, чтобы хорошіе всегда производили порожденія луч-
 шія и, полезныя—полезнѣйшія, а отъ мрака, скрывающаго
 B. страшное воздержаніе.—Правильно, сказалъ онъ.—Тотъ
 же-таки законъ будетъ имѣть силу, продолжалъ я, если кто
 изъ мужчинъ еще рождающихъ, не бывъ сведенъ правите-
 лемъ, будетъ касаться женщины въ зрѣломъ возрастѣ; пото-
 му что въ такомъ случаѣ онъ принесетъ городу, скажемъ мы,

¹ *Порывистую цвѣтучествомъ возраста, τὴν δεινὰτιν ἀρτίων ἀμείων.* Эти слова едва ли не заимствованы у какого-нибудь поэта и указываютъ, кажется, на возрастъ двадцати-пяти-лѣтній. О времени вступленія въ бракъ иначе говоритъ Аристотель. Polit. VI, 16. VII, 16. Сравни. Plat. Legg. IV, p. 721 B. VI, p. 772 D.

подкидыша, — дитя незаконное и неосвященное. Когда же, думаю, и женщины и мужчины переживутъ возрастъ ражда́нiя, — мужчинамъ мы, вѣроятно, предоставимъ свободу — соединяться, съ кѣмъ хотятъ, кромѣ дочери, матери, дочернихъ С. дочерей и матернихъ родственницъ по восходящей линiи; оставимъ также свободными и женщинъ, — кромѣ сына, отца и родственниковъ ихъ по нисходящей и восходящей линiи ¹. Но при всемъ-таки этомъ, предпишемъ особенно стараться — и на свѣтъ не выносить никакого плода, если онъ зачнется, — а когда что приневолитъ, положить его такъ, какбы не было для него никакой пищи ². — И это также отчетливо гово-

¹ Если ученiе Платона объ общности женъ и дѣтей можно объяснить такъ, что оно не представится страннымъ и несообразнымъ съ началами чистой нравственности; то даваемое Платономъ мужчинамъ и женщинамъ позволенiе, по прошествiи возраста, назначеннаго для рожденiя дѣтей, соединиться съ кѣмъ угодно, кромѣ дочери, матери, дочернихъ дочерей и матернихъ родственницъ, нетолько не можетъ быть оправдано никакою здравою оеикою, но и обличаетъ философа въ явномъ противорѣчii самому себѣ. Прежде всего, надобно сказать, что съ пережитымъ возрастомъ дѣтворожденiя, назначеннымъ отъ общества и для общества, возрастъ дѣятельности, требуемой добродѣтелями, не переживаетъ. А эти добродѣтели, во всѣхъ своихъ видахъ, никакъ не могутъ позволить ни мужчинамъ, ни женщинамъ соединяться безразлично, съ кѣмъ кто хочетъ; потому что, при такомъ безразличномъ соединенiи, нельзя представить ни разсудительности, поставляющей гражданна въ гармонiю со всѣми членами общества, ни справедливости, облызающей его дѣлать свое и, подъ управленiемъ мудрости, восходить выше и выше къ нравственному совершенству. Даже и самыя исключенiя, которыми Платонъ ограничиваетъ позволенiе произвольныхъ совокупленiй, вводятъ его въ странное и непонятное противорѣчiе. Если въ Платоновомъ государствѣ ни родители не должны знать своихъ дѣтей, ни дѣти своихъ родителей; то, при безразличномъ половомъ совокупленiи, какимъ образомъ могли бы они избѣжать кровосмѣшенiя? А когда всякій отецъ и всякая мать, какъ постановляетъ Платонъ, будутъ считаться отцомъ и матерью всѣхъ дѣтей слѣдующаго за ними поколѣнiя; равно какъ и всѣ дѣти будутъ почитать отцами и матерями всѣхъ членовъ поколѣнiя старшаго: то данное Платономъ позволенiе, при тѣхъ исключенiяхъ, получить значенiе такого позволенiя, которымъ никто воспользоваться не можетъ; слѣдовательно, оно останется шуткою, или софистическою насмѣшкою, которую прикрываетъ философъ только постановленiемъ закона, допускающаго сожителство съ сестрами и братьями въ смыслѣ политическомъ или поколѣнномъ.

² Явно, что Платонъ допускаетъ въ своемъ государствѣ жестокой законъ Лакедемонянъ объ отверженiи дѣтей, имѣющихъ физическiе недостатки, или необщающихся счастливаго развитiя тѣлесныхъ силъ. У Платона этотъ законъ,

Д. рится, сказалъ онъ. Но какъ можно будетъ отличить другъ отъ друга—отцовъ, дочерей и всѣхъ, о комъ ты сейчасъ говорилъ?—Никакъ, отвѣчалъ я. Какія бы ни родились дѣти на десятомъ, даже на седьмомъ мѣсяцѣ съ того дня, въ который кто сдѣлался женихомъ,—всѣхъ этихъ дѣтей мужескаго пола будетъ онъ называть сыновьями, а женскаго—дочерьми; дѣти же эти станутъ называть его отцомъ. Равнымъ образомъ, рожденія ихъ будетъ называть онъ дѣтьми дѣтей, а они ихъ—дѣдами и бабками ¹; рожденныхъ же въ то время, когда родили ихъ отцы и матери, они станутъ именовать братьями и сестрами. Поэтому, сказавъ сейчасъ, кому не касаться другъ друга, мы должны прибавить, что братьямъ и сестрамъ законъ позволить сожителство, если на это выпадетъ жребій и будетъ утверждень Питою. — Весьма правильно, сказалъ онъ.—

Эта-то, Главконъ, и такова-то у твоихъ стражей города общность женъ и дѣтей: а примѣняемая къ другимъ видамъ государственной жизни, она и далеко лучше, чѣмъ должны мы теперь доказать своимъ разсужденіемъ. Или какъ поступимъ? — Именно такъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — И вотъ не это ли будетъ началомъ изслѣдованія—спросить намъ самимъ: что такое, для устроенія государства, имѣемъ мы назвать величайшимъ благомъ, къ которому стремяся, за-

повидимому, еще жесточе, чѣмъ былъ онъ у Лакедемонянъ; потому что обрекаетъ на смерть младенцевъ даже за позднее рожденіе ихъ, хотя бы физическихъ недостатковъ они чрезъ то и не обнаруживали. Объ этомъ предметѣ см. *Gerhardt. Noodt* въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Julius Paulus, seu de partus expositio- ne et necē apud veteres*. In Opp. (Lugd. Bat. 1724) p. 567 sqq. Снег. p. 591 sqq. *Petit. ad Legg. AA*, p. 144. *Elmenhorst. ad Minuc. Felic. Octav.* p. 289. *Plut. vit. Lycurg.* с. 16.

¹ *Бабками* — τηδᾶς. Наши лексикографы напрасно, кажется, смѣшиваютъ слова τηδᾶς и τίτση, полагая, что то и другое означаютъ и бабуку и кормилицу. *Косовичъ*. Τίτση собственно—кормилица, какъ у Атенея XIII, 44, 103 и у Аммонія. А τηδᾶς — имя бабушки, которое Дорьяне замѣняли словомъ μαῖα. *Jambl. Vit Pyth.* XI. 56. 114; и это слово было почетное. Въ такомъ смыслѣ встрѣчается τηδᾶς у Аристофана *Lys*, v. 549. *Acharn.* v. 49. *Andocid. de Myster.* p. 63. *Plut. de Curios.* II, 131, T. X; ил.

конодатель долженъ постановлять законы , и что — величайшимъ зломъ ¹? — потомъ изслѣдовать , разсмотрѣнное нами теперь наводитъ ли насъ на стезю блага и удаляетъ ли отъ стези зла?— Всего болѣе, сказалъ онъ. — Есть ли у насъ для государства зло болѣе того, которое расторгаетъ его и дѣ- В. лаетъ многими, вмѣсто одного,—или добро болѣе того, которое связуетъ его и дѣлаетъ однимъ?—Нѣтъ.—Но общеніе удовольствія и скорби не связуетъ ли непремѣнно всѣхъ гражданъ, когда они, при однихъ и тѣхъ же пріобрѣтеніяхъ и лишеніяхъ, равно веселятся и скорбятъ?—Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ онъ.—Напротивъ, особничество въ этомъ отношеніи не разрушаетъ ли согласія, когда однѣ и тѣ же случайности города и людей въ городѣ для иныхъ бываютъ горестны, для другихъ — пріятны?—Какъ не разрушать?—А это не тогда ли проис- С. ходитъ, когда въ городѣ не вмѣстѣ произносятся слова такія, какъ: это мое, это не мое? и не то же ли должно сказать о чужомъ?—Совершенно то же.—Значитъ, самый лучшій распорядокъ будетъ въ томъ городѣ, въ которомъ, въ отношеніи къ тому же, одно и то же мое и не мое произносить наибольшее число гражданъ.—И очень.—И которое весьма близко подходитъ къ состоянію одного человѣка: напримѣръ, когда у кого-нибудь изъ насъ ушибенъ палець, тогда, по общенію тѣла съ душою, сосредоточенному въ одномъ распорядкѣ господствующаго D. щаго въ душѣ начала, все чувствуетъ и вмѣстѣ все раздѣляетъ страданіе больнаго члена; а потому мы и говоримъ, что человѣкъ страдаетъ пальцемъ. То же должно сказать и о всякой другой принадлежности человѣка,—о скорби, когда членъ болѣзнуетъ, и объ удовольствіи, когда онъ здоровъ.—

¹ Высшее благо общества Платонъ поставляетъ въ согласіи и единомысліи всѣхъ гражданъ; такъ чтобы у нихъ была только общая радость и общая печаль, а частной или личной не было, и чтобы такимъ образомъ не оставалось мѣста въ обществѣ эгоизму или самоуслажденію. Противъ этого понятія о высшемъ благѣ въ государствѣ говоритъ Аристотель, *Polit.* II, 1, 16. II, 2, 9; а сужденія Аристотеля разсматриваютъ *Franc. Patricius Discuss. Peripatet.* p. 350 sq. *Fulleborn.* Annot. ad *Garvii interpr. Aristot. Polit.* T. II, p. 194. *Morgenstern.* Comment. p. 235.

- Конечно, то же, сказалъ онъ; и отлично управляемый городъ, въ самомъ дѣлѣ, живетъ весьма близко къ тому, о чемъ ты спрашиваешь. — Итакъ, если и одинъ кто нибудь изъ гражданъ испытываетъ добро или зло,—этотъ городъ непременно будетъ говорить, что онъ самъ испытываетъ это, и станетъ либо весь сорадоваться, либо весь сострадать.—Необходимо, сказалъ онъ, какъ скоро городъ по-истинѣ благозаконенъ.—Теперь время бы намъ возвратиться къ своему государству, продолжалъ я, и сообразить то, на что мы согласились,—оно ли, то-есть, именно таково, или скорѣе какое-нибудь иное.
463. Да, надобно, сказалъ онъ. — Что же? какъ въ другихъ государствахъ есть правители и народъ: такъ есть, конечно, и въ этомъ? — Есть. — И всѣ они другъ друга называютъ гражданами? — Какъ не называть? — Но въ другихъ государствахъ къ имени нѣкоторыхъ гражданъ народъ присоединяетъ еще имя правителей?—Во многихъ—имя властелиновъ (*δεσπότης*), а въ городахъ демократическихъ соотвѣтствуетъ этому названіе архонтовъ (правителей). — Что же въ нашемъ народѣ? имя какихъ правителей присоединяетъ онъ къ имени нѣкоторыхъ гражданъ? — Имя хранителей и попечителей, сказалъ онъ.—А эти какъ называютъ народъ?—Мзодоводаителями и питателями.—Въ другихъ же государствахъ правители какъ называютъ народъ?—Рабами, сказалъ онъ. — А правители другъ друга?—Соправителями, отвѣчалъ онъ.—Ну а наши?—Состражами. — Скажи теперь о правителяхъ въ другихъ государствахъ: можетъ ли кто тамъ одного изъ соправителей наименовать какъ собственнымъ, а другаго—какъ чужимъ? — Да и многихъ. — Поэтому собственнаго онъ почитаетъ и называетъ какъ своимъ, а чужаго какъ не своимъ?—
- С. Такъ.—Что же твой-то стражи? Можетъ ли кто изъ нихъ почитать или называть извѣстнаго стража какъ чужимъ?—Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ; потому что, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, будетъ думать, что встрѣтился либо какъ съ братомъ, либо какъ съ сестрою, либо какъ съ отцомъ, либо какъ съ матерью, либо съ сыномъ, либо съ дочерью, либо съ

ихъ дѣтьми, либо съ ихъ родителями.—Прекрасно говоришь ты, примолвилъ я; но скажи еще вотъ что: назначишь ли ты имъ только собственныя имена родства, или по именамъ узаконишь совершать и всякія дѣла, напримѣръ, въ отношеніи D. къ отцамъ,—уваженіе, заботливость и послушаніе,—все, чего требуетъ законъ касательно родителей, поколику недѣлающему этого не будетъ добра ни отъ боговъ, ни отъ людей, такъ какъ, дѣлая иное, а не это, онъ не дѣлаетъ ни честнаго, ни справедливаго? Эти ли рѣчи отъ всѣхъ гражданъ, или другія тотчасъ прозвучатъ у тебя въ ухахъ дѣтей, отцовъ и прочихъ родственниковъ, на какихъ кто укажетъ имъ?—Эти, сказалъ онъ; ибо смѣшно было бы, еслибы слетали съ язы- E. ка только собственныя имена, безъ дѣлъ.—Слѣдовательно, въ этомъ государствѣ, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, когда кто одинъ находится въ хорошемъ или худомъ состояніи, граждане будутъ единогласно произносить недавно сказанное нами слово: мои дѣла хороши, или, мои дѣла нехороши.—Совершенная правда, сказалъ онъ.—А не говорили ли 464. мы, что съ этою мыслию и съ этимъ словомъ идутъ объ-руку и удовольствія и скорби?—Да и правильно говорили.—Но не въ томъ ли самомъ граждане у насъ особенно будутъ имѣть общеніе, чтѣ стануть называть своимъ? и имѣя въ этомъ общеніе, не будутъ ли такъ-то обобщаться равнымъ образомъ въ скорби и удовольствіи?—И очень.—Такъ кромѣ другихъ постановленій государственныхъ, не въ этомъ ли причина—имѣть стражамъ общихъ женъ и дѣтей?—Конечно; особенно въ этомъ, сказалъ онъ.—Но величайшее-то благо государства V. мы согласились выразить тѣмъ, что благоустроенное государство уподобили тѣлу, испытывающему и скорбь и удовольствие относительно къ своему члену.—Да и правильно согласились, сказалъ онъ.—Стало-быть, причиною величайшаго блага въ государствѣ становится у насъ общность дѣтей и женъ между попечителями.—И очень, сказалъ онъ.—Впрочемъ, этимъ мы сходимся и съ прежде уже допущеннымъ положеніемъ. Вѣдь говорено было, кажется, что если стражи

- С. должны быть истинными стражами, — имъ не слѣдуетъ имѣть ни частныхъ домовъ, ни земли, ни стяжанія, но, въ награду за охраненіе получая пищу отъ другихъ, иждивать ее всѣмъ съобща. — Правильно, сказалъ онъ. — Такъ и прежде, говорю, сказанное, и теперь утверждаемое не характеризуетъ ли еще болѣе самихъ истинныхъ стражей и не дѣлаетъ ли того, что они не расторгаютъ государства, какъ расторгали бы тогда, когда называли бы своимъ не одно и то же, но иной — иное, по-колику одинъ все, что можетъ пріобрѣсть особо отъ прочихъ,
- Д. влекъ бы въ свой домъ, а другой — въ свой отдѣльный, — влекъ бы и иную жену, и иныхъ дѣтей, которыя, какъ особыя, возбуждали бы въ немъ особыя также и удовольствія и скорби? Между тѣмъ какъ имѣя одну мысль о собственности, всѣ стремятся, сколько возможно, и скорбь и удовольствіе чувствовать вмѣстѣ. — Совершенно такъ, сказалъ онъ. — Что же? такъ какъ никто изъ нихъ не пріобрѣтаетъ никакой собственности, кромѣ тѣла, такъ какъ, исключая тѣло, все прочее у нихъ общее: то, по поговоркѣ, не уйдутъ ли отъ нихъ тяжбы и взаимныя обвиненія? А поэтому не будутъ ли они гражда-
- Е. нами самыми невозмутимыми, когда всѣ возмущенія между людьми бывають за пріобрѣтеніе денегъ, дѣтей и родственниковъ? — Весьма необходимо исчезнуть этому, сказалъ онъ. — Да и принужденій, и тѣлесныхъ наказаній по закону не будетъ у нихъ; ибо, подчиняя ихъ необходимости заботиться о тѣлахъ, мы, вѣроятно, скажемъ имъ, что сверстникамъ похвально и справедливо помогать другъ другу. — Правильно, сказалъ онъ. — Да и то въ этомъ законѣ правильно, продолжалъ я, что кто гнѣвается на другаго и на немъ вымѣщаетъ гнѣвъ свой; тотъ не вдается въ большія возмущенія. — Безъ сомнѣнія. — Впрочемъ, старшему будетъ предписано начальствовать надъ всѣми младшими и наказывать ихъ. — Явно. — А младшій-то, лишь бы не приказывали правители, никогда не рѣшится ни какъ-нибудь иначе насиловать, ни бить старшаго, что и естественно, да не обезчеститъ его, думаю, и другимъ способомъ; потому что это возбранятъ ему два до-

вольно сильныхъ стража — страхъ и уваженіе: уваженіе не В. допустить его касаться родителей, а страхъ обуздаетъ его тою мыслию, что обижаемому помогутъ со стороны — одни, какъ сыновья, другіе, какъ братья, иные, какъ отцы. — Обыкновенно такъ, сказалъ онъ. — Значить, подь этими законами люди непременно будутъ жить между собою въ мирь? — И въ великомъ. — А когда эти не будутъ возмущаться другъ противъ друга; то нечего бояться, что на нихъ, либо одни на другихъ, возстанутъ прочіе граждане ¹. — Конечно нечего. — О самыхъ же мелочныхъ видахъ зла, отъ которыхъ С. они избавились бы, по неприличію, не хочется и говорить, — напимѣръ, о ласкательствѣ бѣдныхъ богатымъ, о всѣхъ затрудненіяхъ и безпокойствахъ, съ которыми сопряжено бываетъ воспитаніе дѣтей и приобрѣтеніе денегъ для необходимаго содержанія прислужниковъ, когда надобно бываетъ либо брать деньги въ долгъ, либо запираяться въ нихъ, либо доставать ихъ всячески и прятать у женъ да у слугъ, поручая имъ храненіе своего залога, — о всемъ этомъ, что терпятъ и могутъ терпѣть граждане, другъ мой, низко, не благородно, да и не стоитъ говорить. — Это ясно и для слѣпаго, сказалъ онъ. — А избавившись отъ всѣхъ этихъ хлопотъ, D. они будутъ вести жизнь блаженнѣйшую, — блаженнѣ той, какую ведутъ олимпійскіе побѣдители ². — Какъ? — Тѣ наслаждаются, можетъ быть, малою частію того, что достается этимъ; потому что и побѣда ихъ превосходнѣе, и содержаніе отъ города полнѣе: цѣль побѣды ихъ — спасеніе цѣлаго государства; пищею и всѣмъ прочимъ, что нужно для жизни, снабжаются и сами они, и дѣти; а почести отъ государства, E.

¹ *Что на нихъ, либо одни на другихъ, возстанутъ прочіе граждане, нѣ потѣ ἢ ἄλλη πόλις πρὸς τοῦτου ἢ πρὸς ἀλλήλους διχοστατήση.* Подъ словами ἢ ἄλλη πόλις надобно разумѣть не весь городъ, или не urbs universa, какъ переводитъ Астъ, а reliqua urbs, или прочіе граждане, кромѣ стражей. Постановленный законъ, по понятію Платона, предотвратитъ не только возстаніе прочихъ гражданъ на стражей, но и возмущеніе ихъ однихъ противъ другихъ.

² О счастья олимпійскихъ побѣдителей см. interprett. ad Horat. Carm. I, 1, 3 sq.

предоставляемыя имъ при жизни, по смерти ихъ увѣнчиваются достойнымъ погребеніемъ.—Да, велики награды, сказалъ онъ.—Но помнишь ли, спросилъ я, прежде ¹, по случаю какого-то разсужденія, насъ поразила мысль, что сво-

466. ихъ стражей мы дѣлаемъ несчастными, если, владѣя возможностью имѣть все, принадлежащее гражданамъ, сами они не имѣютъ ничего? Мы, кажется, сказали тогда, что разсмотримъ это послѣ, гдѣ придется, теперь же постараемся стражей сдѣлать стражами, а государство, сколько доставитъ силъ, счастливейшимъ, имѣя въ виду доставить въ немъ счастье не одному этому сословію. — Помню, сказалъ онъ.—Что же? жизнь попечителей, представляющаяся намъ теперь уже гораздо вышею и лучшею, чѣмъ жизнь даже олимпійскихъ побѣдителей, идетъ ли, повидимому, въ какое-

В. нибудь сравненіе съ жизнію сапожниковъ, либо иныхъ мастеровыхъ, либо земледѣльцевъ?—Не думаю, сказалъ онъ.—Поэтому, что тогда уже говорили мы, то самое справедливо будетъ сказать и теперь: если, то-есть, стражъ вздумаетъ сдѣлаться такъ счастливымъ, что и не будетъ стражемъ, и не станетъ довольствоваться столь мѣрною, постоянною и, какъ мы говоримъ, наилучшею жизнію, но, водясь безумнымъ и ребяческимъ мнѣніемъ о счастіи, устремится все

С. усвоить себѣ въ государствѣ силою; то да узнаетъ онъ слова Исіода ²,—тотъ былъ истинный мудрецъ, кто сказалъ: половина въ нѣкоторомъ смыслѣ больше цѣлаго.—Если хочеть онъ слѣдовать моему совѣту, пускай остается въ этой жизни, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, ты допускаешь, заключилъ я, разсмотрѣнную нами общность женъ у мужей, примѣнительно къ воспитанію, къ дѣтямъ и стражамъ прочихъ гражданъ?—допускаешь, что женщины должны имѣть мѣсто въ государствѣ, ходить на войну, раздѣлять съ мужчинами обя-

¹ Указывается Lib. IV, p. 419 A.

² Указывается на слова Исіода Opp. et DD. v. 40: *νήπιος οὐδ' ἴσασιν, ὅσω πλέον ἤμισυ πάντες.*

занность стражей, участвовать въ ловлѣ, какъ собаки, и по возможности имѣть общеніе во всемъ и всячески?—допуска- D. ешь, что дѣлая это, онѣ будутъ дѣлать наилучшее и непротиворѣчущее природѣ женскаго пола, относительно къ мужескому, на чемъ обыкновенно основывается взаимное общеніе ихъ?—Допускаю, сказалъ онъ. —

Не то ли остается изслѣдовать, спросилъ я, возможно ли и у людей, какъ у прочихъ животныхъ, такое общеніе, и какимъ образомъ оно возможно? — Ты предупредилъ меня своимъ вопросомъ, сказалъ онъ; я самъ хотѣлъ предложить его. —Что касается до участія женщинъ въ войнѣ, началъ я; то явно, думаю, какъ будутъ онѣ воевать. — А какъ? спросилъ онъ.—Онѣ стануть съобща ходить въ походъ и сверхъ того водить съ собою на войну возрастныхъ дѣтей, чтобы послѣднія, какъ дѣти прочихъ художниковъ, всматривались въ то, что должны будутъ дѣлать, достигнувъ совершеннолѣтія. Кромѣ смотрѣнія, дѣти будутъ служить и готовить 467. все, относящееся къ войнѣ, также прислуживать отцамъ и матерямъ. Развѣ не знаешь, какъ бываетъ въ искусствахъ? Дѣти гончаровъ, на примѣръ, сперва долгое время служатъ и смотрятъ, прежде чѣмъ сами начнутъ гончарничать. — И очень.—Такъ неужели гончарамъ надобно старательнѣе воспитывать своихъ дѣтей, заставляя ихъ наблюдать и всматриваться въ то, что къ нимъ относится, чѣмъ стражамъ—своихъ? — Это было бы очень смѣшно, сказалъ онъ. — Да и сражается—то всякое животное съ особенною храбростію въ присутствіи тѣхъ, кого оно родило. — Такъ; но при этомъ, В. Сократъ, настоять немалая опасность, какъ бы, — что нерѣдко случается на войнѣ, — кромѣ себя, не потерять и дѣтей, и чрезъ то не сдѣлать невозможнымъ возстановленіе государства. — Ты правду говоришь, сказалъ я; это значить, что первымъ дѣломъ считаешь ты приготовить имъ то, чтобы они не подвергались опасностямъ? — Отнюдь нѣтъ. — Что жъ? Если надобно имъ подвергаться опасностямъ, то не тѣмъ ли, отъ которыхъ они сдѣлаются лучшими въ своихъ

- С. подвигахъ?—Явно.—Развѣ, думаешь, мало разницы, смотреть ли дѣти, или нѣтъ, что бываетъ на войнѣ, и развѣ это не стоитъ опасности для нихъ, имѣющихъ быть мужами воинственными?—Нѣтъ, въ отношеніи къ тому, о чемъ ты говоришь, это—разница.—Итакъ, надобно стараться дѣлать дѣтей зрителями войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ промышлять имъ безопасность,—и выйдетъ хорошо. Не правда ли?—Да.—Для этого отцы ихъ, продолжалъ я, сколько то возможно людямъ, будутъ не невѣждами, а знатоками того, какіе походы
- Д. опасны, какіе нѣтъ.—Вѣроятно, сказалъ онъ.—И въ однихъ позволять имъ участвовать, а въ другихъ—поостерегутся.—Правильно.—Да и правителей-то, примолвилъ я, поставятъ надъ ними не худыхъ, но, и по опытности и по возрасту, способныхъ быть руководителями и наставниками.—И слѣдуетъ.—Впрочемъ, и то сказать,—многое и со многими-таки бываетъ противъ чаянія.—И очень.—Такъ для этого, другъ мой, дѣтей должно тотчасъ же окрывать, чтобы, когда понадобится, они быстро улетали.—Что ты разумѣешь,
- Е. спросилъ онъ?—Надобно съ самаго дѣтства сажать ихъ на коней, отвѣчалъ я,—и, когда они научатся ѣздить, возить ихъ на зрѣлище на коняхъ—не горячихъ и не бранныхъ, а на самыхъ быстрыхъ и послушныхъ уздѣ; ибо такимъ образомъ они весьма хорошо будутъ смотрѣть на свое дѣло и, если понадобится, слѣдуя за старѣйшими вождами, спасутся
468. съ совершенною безопасностію.—Мнѣ кажется, правильно говоришь ты, сказалъ онъ.—

Но что сказать о войнѣ-то? спросилъ я. Какъ, по твоему, должны вести себя воины относительно другъ къ другу и къ врагамъ? Правильно ли представляется мнѣ это, или нѣтъ?—Скажи, каково твое представленіе, отвѣчалъ онъ.—Кто изъ нихъ оставить строй или бросить оружіе по трусости, началъ я; того не сдѣлать ли мастеровымъ либо земледѣльцемъ?—Безъ сомнѣнія.—Кто среди непріятелей взять живымъ; того не подарить ли желающимъ пользоваться этою добычею, какъ имъ заблагоразсудится?—Вполнѣ справед-

ливо.—А кто отличился и прославился; тотъ,—какъ ты ду- В.
маешь?—не долженъ ли быть увѣнчанъ, сперва на походъ,
каждымъ изъ мальчиковъ и дѣтей, по силамъ раздѣляв-
шихъ съ нимъ подвиги воинскіе? Или нѣтъ? — Мнѣ кажется,
долженъ. — Что же? они подадутъ ему правую руку? — И
это кажется. — Но вотъ что тебѣ, думаю, уже не кажется,
примолвилъ я.—Что такое?—Чтобы онъ цѣловалъ всѣхъ, и
его цѣловалъ каждый.—Всего болѣе, сказалъ онъ. Даже къ
этому закону прибавляю слѣдующее: во все время, пока они
будутъ находиться въ этомъ походѣ, никто не долженъ от- С.
казываться, кого бы онъ ни захотѣлъ поцѣловать; такъ что,
еслибы даже случилось ему и полюбить кого-нибудь, — бу-
детъ ли то лицо мужскаго, или женскаго пола,—всякій обя-
занъ съ готовностію поднести ему пальму побѣды. — Хоро-
шо, замѣтилъ я: вѣдь и было уже сказано, что для добраго
должно быть готово большее число браковъ, чѣмъ для дру-
гихъ, и что такихъ надобно избирать чаще, нежели про-
чихъ, чтобы отъ такого раждалось сколько можно болѣе дѣ-
тей. — Да, мы говорили это, сказалъ онъ. — Впрочемъ, и по
Омиру ¹, всѣхъ юношей, которые добры, справедливо укра- D.
шать такими наградами; вѣдь и Омиръ говоритъ, что про-
славившійся на войнѣ Аяксъ *ὄβριον δῖπυκέεσσι γυραίρεσσι*, такъ
какъ эта честь идетъ къ человѣку юному и мужественному,
который, получая ее, вмѣстѣ и возвышаетъ свою силу. —
Весьма правильно, сказалъ онъ.—Итакъ, въ этомъ-то послу-
шаемъ Омира, примолвилъ я: добрыхъ, поколику они являют-
ся добрыми, почтимъ и жертвами, и всѣмъ этимъ, и гимна-
ми, и тѣмъ, о чемъ сейчасъ говорили,—почтимъ сверхъ то-
го и почетными сѣдалищами, и мясами, и полными чашами,
чтобы, вмѣстѣ съ почестію, и упражнять добрыхъ — какъ
мужчинъ, такъ и женщинъ.—Прекрасно говоришь ты, ска- E.
залъ онъ. — Пускай. Но умершій-то въ походѣ, кто умеръ со
славою? Не скажемъ ли, что онъ первый долженъ быть при-

¹ *Нот.* II. VII, 231.

численъ къ золотому племени?—О, всего болѣе.—Или мы не повѣримъ Исиду, что какъ скоро нѣкоторые изъ этого племени умирають,—тотчасъ

469. Одни въ видѣ чистыхъ духовъ надъ нашей землею витають,—

То духи благіе, гонители зла и хранители смертныхъ¹?— Конечно, повѣримъ.—Такъ вопросивъ бога, какъ должно погребать людей, причисляемыхъ къ духамъ и богамъ, и съ какими преимуществами, не будемъ ли мы погребать ихъ такъ и тѣмъ образомъ, какимъ онъ прикажетъ?—Почему не будемъ?—Да и въ послѣдующее время не будемъ ли чувствовать ихъ, какъ духовъ, и поклоняться ихъ гробамъ? Не узаконимъ ли того же самаго и въ отношеніи къ тѣмъ, которые скончались отъ старости, или инымъ образомъ, и оставили память о себѣ, какъ о людяхъ, въ жизни бывшихъ отлично добрыми?—Дѣйствительно справедливо, сказалъ онъ.—

Что же? какъ будутъ поступать у насъ воины съ непріятелями?—Въ какомъ отношеніи?—Во-первыхъ, въ отношеніи къ порабощенію: справедливымъ ли кажется тебѣ, чтобы Эллины порабощали города эллинскія, или пусть они, по возможности, не внушаютъ этого и другимъ, и привыкають щадить эллинское племя, опасаясь рабства со стороны варваровъ?—Всѣмъ и каждому полезно щадить, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, Эллиновъ и сами они не должны имѣть рабами, и другимъ Эллинамъ то же совѣтовать?—Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; это заставитъ ихъ, конечно, болѣе направляться противъ варваровъ и воздерживаться другъ отъ друга.—Что же еще? хорошо ли будетъ, одержавъ побѣду, брать у убитыхъ что другое, кромѣ оружія, или это трусамъ послужитъ предлогомъ—не подходить къ сражающемуся, но, какъ бы совершалъ что должное, обыскивать умершаго, отъ каковаго хищенія погибли уже многія войска?—И очень.—Не кажется ли тебѣ низостью и любостыжательностью обдирать

¹ Эти стихи см. Орр. et. DD. v. 121 sq.; въ Кратилѣ, р. 379 E, они приводятся нѣсколько иначе.

мертвого, и не женоподобію ли и малодушію свойственно почитать враждебнымъ тѣло убитаго, когда непріятель ушелъ и бросилъ то, чѣмъ сражался? Думаешь ли, что дѣлающіе это отличаются отъ собакъ, которыя злятся на брошенные камни, не трогая того, кто бросаетъ ихъ? — Нѣтъ ни малѣйшаго различія, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, обдираніе мертвыхъ и препятствованіе уносить ихъ надобно оставить? — Конечно оставить, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — И оружія также не понесемъ мы въ храмы, въ качествѣ посвященныхъ, особенно же оружія эллинскаго, если сколько-нибудь заботимся о расположеніи къ себѣ Эллиновъ: напротивъ, скорѣе будемъ бояться, чтобы внесеніе въ храмъ такихъ вещей, взятыхъ нами у ближнихъ, не было какимъ-нибудь оскверненіемъ, если только не повелитъ иначе богъ. — Весьма правильно, сказалъ онъ. — Что же теперь — объ опустошеніи эллинской земли и сожженіи домовъ? Какъ въ этомъ отношеніи воины у тебя будутъ поступать съ непріятелями? — Объ этомъ я съ удовольствіемъ выслушалъ бы твое мнѣніе, сказалъ онъ. — Мнѣ-то кажется, продолжалъ я, что не надобно дѣлать ничего такого, но должно отнять годовой В. плодъ; а для чего это, — хочешь ли, скажу? — Конечно. — Мнѣ представляется, что по различію этихъ двухъ именъ — «война и возмущеніе», есть также и два предмета, соотвѣтствующихъ симъ двумъ раздорамъ. Подъ двумя предметами я разумѣю — съ одной стороны, домашнее и родственное, съ другой — чужое и иностранное. Вражда между домашними названа возмущеніемъ, а между чужими — войною. — И въ твоихъ словахъ все-таки нѣтъ ничего необыкновеннаго, сказалъ онъ. — А это-то, смотри-ка, будетъ ли обыкновенное. Я С. говорю, что племя эллинское само себѣ есть домашнее и родственное, а племени варварскому — иностранное и чужое. — Ну хорошо, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, когда Эллины сражаются съ варварами и варвары съ Эллинами, — мы назовемъ ихъ воюющими и врагами по природѣ, и такую вражду надобно именовать войною: а когда Эллины что-ни-

будь подобное дѣлають съ Эллинами, — мы скажемъ, что по природѣ-то они друзья, только Эллада въ этомъ случаѣ больша и возмущается, и такую вражду надобно называть возмущеніемъ. — Я-то принимаю эти названія, сказалъ онъ. — Представь же, продолжалъ я, что при опредѣленномъ теперь возмущеніи, когда бы, то-есть, происходило нѣчто подобное, и городъ волновался, — одни опустошаютъ поля и жгутъ дома другихъ: какъ гибельнымъ кажется такое возмущеніе, и какъ мало любви къ отечеству показываютъ здѣсь обѣ стороны! Иначе вѣдь не дерзнули бы онѣ такимъ образомъ брить свою кормилицу и мать. Конечно, умѣреннѣе будетъ побѣдителямъ отнять плоды у побѣжденныхъ, — въ той мысли, что эта вражда прекратится, и что не всегда будутъ они воевать. — Да, послѣднее мнѣніе гораздо мягче перваго, сказалъ онъ. — Что же теперь? спросилъ я: устрояемое тобою государство не будетъ ли эллинскимъ? — Должно быть такимъ, отвѣчалъ онъ. — И граждане его не будутъ ли добрыми и кроткими? — О, чрезвычайно. — И не будутъ ли они любить Элладу, считать ее своею и участвовать, какъ и всѣ прочіе, въ священнѣхъ ея обрядахъ? — Даже до чрезвычайности. — По сему раздоръ съ Эллинами, какъ домашними, почитая возмущеніемъ, назовутъ ли его войною? — Конечно нѣтъ. — Слѣдовательно, будутъ ссориться съ ними въ той мысли, что ссора ихъ прекратится? — Безъ сомнѣнія. — Стало-быть, будутъ вразумлять ихъ благосклонно, наказывая не рабствомъ и не гибелью, и стараясь быть вразумителями ихъ, а не врагами. — Такъ, сказалъ онъ. — Значить, Эллины, будучи Эллинами, не станутъ разорять Эллады, жечь домовъ и въ каждомъ городѣ представлять своими врагами всѣхъ жителей — и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей, но всегда будутъ видѣть враговъ въ немногихъ виновникахъ ссоры; а по всему этому, не захотятъ разорять землю тѣхъ, изъ которыхъ многіе имъ друзья, и разрушить дома, но только до тѣхъ поръ станутъ поддерживать раздоръ, пока невинно страдающіе граждане не заставятъ виновныхъ понести наказаніе. — Я согласенъ,

сказалъ онъ, что дѣйствительно въ такомъ отношеніи надобно быть къ враждебнымъ нашимъ гражданамъ; а отношеніе къ варварамъ пусть будетъ таково, какое нынѣ между Эллинами.—Итакъ, постановимъ ли этотъ законъ: стражамъ и не разорять земли, и не жечь домовъ?—Постановимъ, сказалъ С.

Но, мнѣ кажется, Сократъ, — позволъ только тебѣ объ этомъ говорить,—ты никогда не вспомнишь о томъ, что пропустилъ, желая высказать все послѣднее, то-есть: возможно ли такое государство и какимъ образомъ оно возможно? Въдѣ еслибы въ самомъ дѣлѣ было такъ, — городу, въ которомъ это было бы, все удавалось бы хорошо и — скажу даже то, что ты пропустилъ,—граждане его превосходно сражались D. бы съ врагами; потому что, зная и называя себя такими именами — братьями, отцами, сыновьями, они никакъ не оставляли бы другъ друга. А еслибы еще въ войскѣ находились и женщины и были расположены либо въ самомъ строѣ, либо позади, чтобы наводить на враговъ страхъ, или, при нуждѣ, подать противъ нихъ помощь, — знаю, что по всему этому они были бы непреодолимы; да вижу и то, что и дома-то у нихъ, что ни оставляется и сколько бы чего ни оставалось, все хорошо. Но если я соглашаюсь, что все это, да и E. другое безчисленное дѣйствительно было бы тогда, было бы такое государство; то ты больше и не говори о немъ: теперь постараемся увѣрить самихъ себя только въ томъ, что оно возможно и какимъ образомъ возможно, а съ прочимъ раскланяемся.—Ты вдругъ-таки,—будто сдѣлалъ набѣгъ на мою рѣчь, и 472. не даешь мнѣ увернуться, сказалъ я. Можетъ быть, не знаешь, что едва началъ я избѣгать двухъ волнъ ¹,—ты наводишь на меня теперъ величайшее и опаснѣйшее триволніе ², кото-

¹ Указывается на стр. 441 С, 463 D и 457 В.

² *Триволие*, — τὴν τρικυμίαν, Римляне называли fluctum decumanum; потому что у Грековъ самымъ большимъ поднятіемъ волны почиталось третье, а у Римлянъ десятое. Объ этомъ, кромѣ Аста, много говоритъ *Блумфильдъ*, Gloss. ad Aeschyl. Prom. v. 1051. У насъ, какъ извѣстно, страшнѣе всѣхъ девятый валъ.

рое если увидишь и услышишь, конечно простишь мнѣ, что я не безъ причины медлилъ и боялся говорить такую странную рѣчь, не рѣшался на подобное изслѣдованіе. — Чѣмъ В. больше будешь толковать объ этомъ, возразилъ онъ, тѣмъ менѣе мы позволимъ тебѣ не говорить, какимъ образомъ возможно то государство. Такъ говори-ка, не теряя времени. —

Не нужно ли намъ, началъ я, сперва припомнить то, что мы припасли къ этому вопросу, изслѣдывая, какова справедливость и несправедливость? — Нужно; но что же это такое? спросилъ Главконъ. — Ничего. Если, однакожъ, мы нашли, какова справедливость; то не согласимся ли, что и человѣкъ С. справедливый ничѣмъ не долженъ отличаться отъ ней, но долженъ во всемъ быть такимъ, какова справедливость? Или для насъ будетъ довольно и того, если онъ весьма близко подойдетъ къ ней и болѣе другихъ отпечатлѣтъ въ себѣ черты ея? — Конечно, сказалъ онъ, мы удовлетворимся и этимъ. — Стало-быть, изслѣдывая, какова справедливость, можно ли сдѣлаться человѣкомъ совершенно справедливымъ и какимъ былъ бы онъ, сдѣлавшись, — тоже опять о несправедливости и несправедливомъ, — мы изслѣдовали это самое для образца, примолвилъ я, чтобы, смотря на то, какими они представляются намъ въ отношеніи къ счастью и противоположной жизни, быть принужденными заключать и D. о самихъ себѣ, что кто изъ насъ особенно походилъ бы на нихъ, тотъ имѣлъ бы и особенно подобную имъ участь, — а не для того, чтобы доказать возможность этого. — Правду говоришь ты, сказалъ онъ. — Думаешь ли, что хорошій живописецъ былъ бы менѣе хорошъ, еслибы, написавъ образецъ того, каковъ былъ бы самый красивый человѣкъ, и въ своей картинѣ достаточно выразивъ все это, не могъ доказать, что такой человѣкъ возможенъ? — Не думаю, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ. — Что же? и мы своимъ разсужденіемъ не составляли ли, скажемъ, образецъ хорошаго государства? — E. Конечно. — Такъ менѣе ли хорошо поэтому, думаешь, говорили мы, если не въ состояніи доказать, что такое государство,

о какомъ было говорено, устроить можно? — Отнюдь нѣтъ, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, истинное-то въ этомъ. Но если уже, въ угодность тебѣ, и надобно постараться доказать, какимъ образомъ и до какой степени возможно государство описанное; то для такого доказательства ты опять допусти мнѣ 473. то же самое. — Что именно? — Можно ли сдѣлать что-нибудь такъ, какъ говорится, — или дѣло, по природѣ, менѣ касается истины, чѣмъ слово ¹? Пусть это иному и не кажется; но ты соглашаешься, или нѣтъ? — Соглашаюсь, сказалъ онъ. — Такъ не принуждай же меня доказывать, что изложенное нами словесно непременно явится осуществимымъ и на дѣлѣ. Но когда мы въ состояніи были найти, какъ могло бы устроиться государство приблизительно къ словесному изложенію, — согласись, что мы нашли, какимъ образомъ возможно то, что приказываешь. Или ты не удовлетворяешься такимъ осуществленіемъ? а я удовлетворился бы. — Да и я, сказалъ онъ. — Послѣ сего, какъ видно, мы постараемся изслѣдовать и показать именно это: что нынѣ въ городахъ дѣлается худо, отчего они не такъ устроятся и, при какой самомалѣйшей переменѣ извѣстный городъ могъ бы дойти до этого способа управленія, — при переменѣ особенно одного, если же нѣтъ, то — двухъ, а если опять нѣтъ, то самага немногаго по числу и малѣйшаго по силѣ. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — С. Итакъ, переменись одно, продолжалъ я, — мнѣ кажется, можно доказать, что городъ приметъ другой видъ, — и это одно дѣйствительно не мало-таки и не легко, хотя возможно. — Что же оно? спросилъ Главконъ. — Я иду къ тому, былъ мой отвѣтъ, что уподобили мы величайшей волнѣ. Это будетъ высказано,

¹ Платонъ хочетъ выразить ту мысль, что слово иногда бываетъ не выраженіемъ обыкновеннаго понятія, которое можетъ быть осуществлено самымъ дѣломъ, а истолкованіемъ идеи, которая, по своей природѣ, выше дѣла, и которая, если и осуществляется, то лишь легкими оттѣнками и подобіями. Итакъ, кто имѣлъ столько силы, что высказалъ идею словомъ, тотъ уже возвысился надъ дѣломъ и этияъ самымъ доказываетъ возможность его, потому что этимъ самымъ начерталъ образецъ, по которому идея должна быть по крайней мѣрѣ приблизительно переводима въ дѣло.

- хотя, точно какъ волна, разольется смѣхомъ и поглотитъ насъ безславіемъ. Смотри, что начну я говорить.—Говори, сказалъ онъ.—Пока въ городахъ, продолжалъ я, не будутъ или
- Д. философы царствовать, или нынѣшніе цари и властители—искренно и удовлетворительно философствовать ¹, пока государственная сила и философія не совпадутъ въ одно, и многія природы, направляющіяся нынѣ отдѣльно къ той и другой, будутъ взаимно исключаться; дотолѣ ни города, ни даже, думаю, человѣческій родъ не жди конца злу, любезный Главконъ,—и описанное въ нашихъ разсужденіяхъ государство прежде этого не родится, какъ могло бы, и не увидитъ
- Е. солнечнаго свѣта. Вотъ именно то, чѣмъ я давно удерживаюсь въ словѣ, видя, что многое придется говорить противъ господствующаго мнѣнія: вѣдь трудно повѣрить, что и частное и общественное благополучіе не иначе возможно.—Да, Сократъ, сказалъ онъ: выпустивъ изъ устъ эту выраженную словомъ мысль, ты можешь быть увѣренъ, что весьма многіе и немаловажные нынѣ люди сбросятъ съ себя верхнюю
474. одежду и, обнаженные ², схвативъ, какое кому попадетъ,

¹ Объ этомъ парадоксѣ толковали многіе древніе писатели. Чит. *Morgenstern. Commentatt. de Rep. Plat.* p. 203 — 213. Подъ именемъ философовъ Платонъ разумѣлъ, конечно, не тѣхъ мудрецовъ—теоретиковъ, которые живутъ въ мірѣ отвлеченныхъ понятій и, хорошо зная область идей, нисколько не знаютъ человѣческой природы, какъ въ родовомъ ея значеніи, такъ и въ многоразличныхъ ограниченіяхъ, коими характеризуется она по временамъ, мѣстамъ и другимъ условіямъ ея развитія. Правитель—философъ, по разумѣнію Платона, былъ бы тотъ, кто все государственное цѣлое устроилъ бы какъ одно, и притомъ однородное цѣлое, держащееся на одномъ, непоколебимомъ основаніи, огражденное однимъ, гармонически развитымъ кодексомъ законовъ, такъ чтобы государственныя скрижали внутреннею своею стороною были въ неразрывной связи съ основными началами общества, а внѣшнею—съ мѣстными, временными и племенными его особенностями, — кто нить всего этого стармонированнаго цѣлага держа въ единствѣ своего сознанія, чувствовалъ бы каждый произшедшій въ какой-нибудь его части диссонансъ, какъ паукъ чувствуетъ и самое легкое прикосновеніе инороднаго тѣла къ какому-нибудь протянутому имъ волокну, и обладая силою мудрости, все разногласящее приводилъ бы къ согласію. Въ этомъ должна состоять правительственная философія или философское управленіе государства.

² *Обнаженные*, — *γυμνοί*, называются тѣ, которые, для большаго удобства, при

оружіе, быстро устремятся на тебя,—въ той мысли, что совершатъ дивное дѣло. И если ты не побѣдишь ихъ словомъ и убѣжишь; то въ самомъ дѣлѣ будешь поруганъ и подвергнешься наказанію.—А не ты ли у меня виновникъ этого? примолвилъ я.—Да и хорошо сдѣлано, сказалъ онъ. Впрочемъ, я не выдамъ тебя, но защищу, чѣмъ могу,—а могу благорасположенностію и увѣщаніемъ, или, можетъ быть, и тѣмъ, что буду ревностиѣ отвѣчать на твои вопросы. Такъ имѣя В. такого помощника, постарайся доказать невѣрующимъ, что дѣло таково, какъ ты говоришь.—Надобно постараться, сказалъ я, когда и ты предлагаешь мнѣ столь великую помощь. Для этого, намѣреваясь какъ-нибудь избавиться отъ тѣхъ, о комъ ты говоришь, мнѣ кажется, необходимо опредѣлить имъ тѣхъ философовъ, которымъ мы держаемъ усвоить право начальствованія, чтобы, по объясненіи этого, можно было защититься, показывая, что однимъ по самой природѣ надлежитъ браться за философію и начальствовать въ обществѣ, С. а другимъ и не браться за нее, но слѣдовать правителю.—Время бы опредѣлить это, сказалъ онъ. — Хорошо же; иди за мною сюда; не объяснимъ ли мы этого сколько-нибудь удовлетворительно.—Веди, сказалъ онъ.—Не нужно ли будетъ напомнить тебѣ, спросилъ я, или помнишь, что тотъ, кого мы называемъ любящимъ что-нибудь,—чтобы правильно называться ему любящимъ, не долженъ одно въ томъ любить, а другое—нѣтъ, но обязанъ любить все?—Надобно напомнить, какъ видно, сказалъ онъ; потому что не очень понимаю это.—Иному прилично было бы говорить, что ты говоришь, Главконъ, примолвилъ я; а человѣку любящему неприлично забывать, что любителя дѣтства и служителя Эросова нѣкоторымъ образомъ кусаютъ и возбуждаютъ всѣ цвѣтушіе красотою, поколику кажутся достойными его заботливости и ласки. Развѣ не такъ поступаете вы съ красавцами?

совершеніи какого-нибудь дѣла, снимаютъ съ себя верхнюю одежду, или плащи—*τὰ ἱμάτια*. См. *Supper. Observatt.* I, с. 7, р. 39.

- Одного хвалите, находя его приятно плосконосимъ, у другаго орлиный носъ называете царскимъ, а средній между тѣмъ
- Е. и другимъ величаете правильнымъ; темные на вашъ взглядъ мужественны, а бѣлокурые—дѣти боговъ; медокожіе же ¹... Да и самое это имя, изобрѣтено, думаешь, инымъ кѣмъ, а не любителемъ, когда желтоватость кожи въ красавцѣ онъ хотѣлъ назвать льстивымъ и сладкимъ словцомъ? Коротко
475. сказать:—вы пользуетесь всѣми предложениями и употребляете всѣ выраженія, чтобы не отвергнуть ни одного лица, цвѣтущаго красотою.—Если, говоря о поклонникахъ Эроса, тебѣ угодно указывать на меня, сказалъ онъ; то я, ради настоящаго разсужденія, уступаю.—Что же? продолжалъ я, не то ли самое, какъ видишь, дѣлаютъ и любители вина, одобряя всякое вино, подъ всякими предложениями?—И очень.—Да и честолюбивые, думаю, — не видишь ли? когда не могутъ командовать всею арміею, командуютъ третьею ея частію ², и если не замѣчаютъ уваженія отъ высшихъ и почетнѣйшихъ, то
- В. довольствуются уваженіемъ отъ низшихъ и худшихъ, поколику вообще охотники до почестей.—Совершенно справедливо.—Утверди же или отринь вотъ что: кому мы приписываемъ желаніе чего-нибудь; тотъ всего ли этого рода, скажемъ, желаетъ, или одного въ немъ желаетъ, другаго нѣтъ?—Всего, сказалъ онъ.—Не припишемъ ли и философу желаніе мудрости—не этой или той, а всей?—Правда.—Слѣдовательно, отвращающагося отъ наукъ, особенно человѣка молодаго и еще неимѣющаго понятія о томъ, что полезно, что нѣтъ, не назовемъ ни любознательнымъ, ни философомъ, равно какъ отвращающагося отъ пищи — ни алчущимъ ни желающимъ

¹ *Медокожіе*, или имѣющіе цвѣтъ меду, — *μελιχλωροι*, у Стефана *μελιχροιο*. Однакожъ первое чтеніе удерживается не только схолиастомъ, но и многими списками. Сократъ въ этомъ словѣ видитъ выраженіе лести: вмѣсто того, чтобы назвать кого-нибудь желтокожимъ, называли медокожимъ, какъ и у насъ красные волосы называютъ золотистыми.

² Схолиастъ говоритъ: въ Аеинахъ было десять филъ: каждая изъ нихъ раздѣлялась на три части; а каждая третья часть, *ἡ τρίτῦα*, — на артели (*εἰς ἔθνη*), или *ερατρίи*. Вожди каждой третьей части назывались *τρίτῦαρχοι*.

ѣсть, а потому — не пищелюбцемъ, а пищененавидцемъ? — И правильно не назовемъ. — Напротивъ, кто готовъ наслаждаться всякимъ знаніемъ, кто съ удовольствіемъ идетъ учиться и бываетъ ненасытенъ въ этомъ отношеніи, того по праву признаемъ философомъ. Не такъ ли? — Но между такими найдется у тебя много и безтолковыхъ, возразилъ Главконъ; вѣдь такими кажутся мнѣ и всѣ охотники смотрѣть, поколику они съ радостію стремятся къ познаніямъ. Да и нѣкоторые охотники слушать слишкомъ безтолковы, чтобы причислять ихъ къ философамъ; такъ какъ, по своей волѣ, они не захотѣли бы принять участіе въ разсужденіяхъ и проводить время въ подобныхъ занятіяхъ; а между тѣмъ, будто въ намъ отдавъ свои уши, чтобы выслушивать всѣ хоры, бѣгаютъ по Діонисовымъ праздникамъ ¹ и не пропускаютъ ни городскихъ, ни деревенскихъ. Такъ неужели всѣмъ этимъ и другимъ любителямъ такихъ вещей, гоняющимся за низкими E. штукарями, дадимъ мы имя философовъ? — Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ я, но имя людей, подобныхъ философамъ ². —

Кого же называешь ты истинными-то? спросилъ онъ. — Любящихъ созерцать истину ³, отвѣчалъ я. — Да и правильно-

¹ Въ Аѣинахъ и въ провинціяхъ аѣинской республики совершалось множество Діонисовыхъ праздниковъ, или такъ называемыхъ вакханалій. Scholiastes: Διονυσία ἑορτὴ Αἰθῆραι Διονύσιον ἤγεται, τὰ μὲν κατ' ἀγροῦς μηνὸς Ποσειδεῶνος, τὰ δὲ Ἀθηναία μηνὸς Μεμακτηριῶνος, τὰ δὲ ἐν ἅστει Ἐλαφηβολιῶνος. О всѣхъ этихъ праздникахъ см. *Voeckh. Comment. de Lenaeis in d. Abhandlungen der Akad. d. Wissensch.*, in Berlin a. 1817, et *Buttmann. Excurs. l. ad Demosth. Midian. p. 118.*

² Платонъ не говоритъ почему люди, рыскающіе по городу для посвщенія Діонисовыхъ праздниковъ и зѣвующіе на фигляровъ, называются у него подобными философами. Если въ Аѣинахъ такіе праздники и зрѣлища были не лучше нашихъ, то они нетолько не питали, а напротивъ, должны были убивать всякую философскую мысль, потому что услаждали только чувства и разнуздывали страсти.

³ Съ этого мѣста Платонъ начинаетъ начертывать образъ истиннаго философа, который могъ бы быть достойнымъ правителемъ общества. Сравни. р. 475 E, Lib. VI, р. 487 A, 500 B — 501 E. Кто найдетъ, что начертыватель этого образа слишкомъ далеко заходитъ въ область идеи и какъ будто пренебрегаетъ дѣлами человеческими; тотъ пусть помнить, что хорошее и мудрое управление государствомъ, по ученію Платона, возможно только при познаніи истины; а познаніе истины пріобрѣтается не иначе, какъ чрезъ созерцаніе вещей самихъ въ себѣ.

таки, сказалъ онъ; но какъ ты понимаешь это?—Другому-то, замѣтилъ я, объяснить нелегко: но ты, думаю, согласишься со мною въ слѣдующемъ.—Въ чемъ?—Такъ какъ прекрасное и безобразное противны между собою, то ихъ—два.—Какъ же не два?—А когда ихъ—два, то каждое не есть ли одно¹?—И это правильно. — То же можно сказать и о справедливомъ и несправедливомъ, о добромъ и зломъ, и о всѣхъ идеяхъ; ибо каждое изъ этого само по себѣ есть одно, а представляемое во взаимномъ общеніи дѣйствій и тѣлъ, всегда является многимъ².—Правильно говоришь, сказалъ онъ.—Такъ вотъ каково мое различеніе, продолжалъ я: особый родъ составляютъ у меня тѣ охотники смотрѣть, тѣ любители диковинокъ и практики, о которыхъ ты сейчасъ говорилъ; и особый опять — тѣ, которые служатъ предметомъ настоящей рѣчи, — и только эти послѣдніе могутъ быть правильно названы философами.—Какъ ты понимаешь? спросилъ онъ.—Первые, продолжалъ я, то-есть охотники слушать и смотрѣть, любятъ прекрасные звуки, цвѣта, образы и все, что создано изъ этого; а любить и видѣть природу самого прекраснаго умъ ихъ безсиленъ.—Въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ онъ.—Но тѣ-то, которые могутъ идти къ самому прекрасному и видѣть его само по себѣ, не рѣдки ли, должно быть?—Конечно.—Значитъ, кто о прекрасныхъ вещахъ мыслить, а самого прекраснаго

Онъ не общалъ человѣку никакого счастья, если оно не соединяется съ мудростію и добродѣтелію; а мудрость и добродѣтель развиваются въ душѣ тогда, когда она занята изслѣдованіемъ вѣчной природы вещей.

¹ Прекрасное, то-есть *αὐτὸ τὸ καλόν*, и безобразное, *αὐτὸ τὸ αἰσχροόν*, что видно изъ дальнѣйшихъ словъ: *καὶ πάντων τῶν εἰδῶν πέρι*. Поэтому и въ слѣдующемъ тотчасъ выраженіи: каждое не есть ли одно? прекрасное и безобразное принимаются, какъ вещи сами въ себѣ, или въ значеніи идеи.

² Самыя идеи просты и недвижимы, — субстанціи вѣчныя и неподлежащія никакой измѣняемости. См. *Sympos.* p. 196 sq. Поэтому *καὶ τὸ δίκαιον, καὶ τὸ ἄδικον, καὶ τὸ ἀγαθόν, καὶ τὸ κακόν*, разсматриваемыя сами по себѣ (*αὐτό*), всегда — одно, и каждое объемлетъ одною мыслію ума. Но такъ какъ вещи прекрасныя и безобразныя, добрыя и злыя, справедливыя и несправедливыя—всѣ эти вещи, подлежащія чувствамъ, образовались по подобію идей; то обыкновенно бываетъ, что сила идей чрезъ нихъ какбы разсвѣяется. Отсюда *ἕκαστον τῆ τῶν πράξεων καὶ σωματίων κοινωνία πανταχοῦ πολλὰ φαίνεται*.

и не мыслить, и, еслибы кто руководилъ къ познанію его, не можетъ за нимъ слѣдовать; тотъ во снѣ ли, думаешь, живетъ, или наяву? Разсмотри: не то ли называется видѣть сонъ, когда кто, во снѣ ли то, или наяву, подобное чему-нибудь почитаетъ не подобнымъ, а тѣмъ самымъ, чему оно подобно? — Я-то сказалъ бы, что такой человекъ, дѣйствительно, видитъ сонъ, отвѣчалъ онъ. — Что же? въ противность этому, почитающій нѣчто самымъ прекраснымъ и могущій созерцать какъ самое прекрасное, такъ и причастное ему, и ни причастнаго непринимающій за самое, ни самага—за причастное, во снѣ ли живетъ, или наяву, опять кажется тебѣ? — Конечно наяву, сказалъ онъ. — Поэтому, мысль послѣдняго, какъ знающаго, не правильно ли назвали бы мы знаніемъ (*γνώμην*), а перваго, какъ мнящаго, — мнѣніемъ? — Безъ сомнѣнія. — Но что, еслибы тотъ, кому мы приписываемъ мнѣніе, а не знаніе, разсердился на насъ и усомнился въ истинѣ нашихъ словъ, — могли ли бы мы успокоить его и поемногу убѣдить, скрывая то, что онъ нездоровъ? — Да, надобно бы-таки, сказалъ онъ. — Хорошо же; смотри, что сказать ему. Не хочешь ли, спросимъ его, говоря такъ: Если онъ что знаетъ, то мы не завидуемъ ему, напротивъ, съ удовольствіемъ желали бы узнать, что онъ знаетъ нѣчто. Скажи намъ вотъ на это: знающій знаетъ ли что-нибудь, или ничего? Отвѣчай мнѣ за него ты. — Отвѣчаю, что знаетъ что-нибудь, сказалъ онъ. — Существующее, или несуществующее? — Существующее; 477. потому что несуществующее-то что-нибудь какъ бы и знать? — Такъ мы примемъ за вѣрное, сколь бы часто ни рассматривалось это дѣло, что непременно существующее есть непременно познаваемое, а несуществующее вовсе никакъ не познается. — Весьма за вѣрное. — Пускай. Но если нѣчто таково, что оно и есть и не есть; то его мѣсто не въ среднѣ ли между истинно существующимъ и тѣмъ, что никакъ не существуетъ? — Въ среднѣ. — А такъ какъ о существующемъ было у насъ знаніе, незнаніе же, по необходимости, — о несуществующемъ; то объ этомъ среднемъ не надобно ли

- В. искать также средняго между незнаніемъ и знаніемъ, если чему-нибудь такому случается существовать ¹?—Конечно.—Что же? называемъ ли мы нѣчто мнѣніемъ? — Какъ не называть?—Отличную ли отъ знанія приписываемъ ему силу, или ту же самую?—Отличную.—Слѣдовательно, въ иномъ состоитъ мнѣніе и въ иномъ знаніе, — то и другое — по самой своей силѣ.—Такъ.—Знанію не прирождено ли, въ самомъ дѣлѣ, знать, что существующее есть? Особенно же это, мнѣ
- С. кажется, прежде надобно изслѣдовать.—Что?—Мы скажемъ, что силы суть нѣкоторый родъ вещей существующихъ, что имп-то и мы можемъ, чтò можемъ, и все другое, что ни могло бы: такъ, напримѣръ, зрѣніе и слухъ принадлежать, говорю, къ числу силъ, если только ты понимаешь, чтò хочу я назвать этимъ родомъ.—Да, я понимаю, сказалъ онъ.—Послушай же, что представляется мнѣ касательно ихъ. Въ силѣ не вижу я ни цвѣта, ни образа, ничего такого, что вижу во многомъ другомъ, и на что смотря, во мнѣ самомъ опредѣляю, что
- Д. это—иное, а то опять иное. Въ силѣ я смотрю только на то, къ чему она направляется и что дѣлаеть, и по этому даю имя отдѣльной силѣ; такъ что къ тому же направляющуюся и то же производящую называю тою же, а направленную къ иному и дѣлающую иное—иною. А ты что? какъ поступаешь?—Такъ же, сказалъ онъ.—Ну такъ сюда опять, почтеннѣйшій, продолжалъ я. Знаніе — называешь ли ты его нѣкоторою силою, или къ какому относишь роду?—Къ роду, крѣпчайшему всѣхъ именно силъ.—Что же? мнѣніе къ силѣ ли отнесемъ мы, или къ иному виду?—Отнюдь нѣтъ; ибо то, чѣмъ мы можемъ мнить, есть не иное что, какъ мнѣніе. — Впрочемъ, немного прежде ты вѣдь согласился, что знаніе и мнѣніе — не то же самое. — Кто имѣеть умъ, сказалъ онъ, тотъ какъ могъ бы

¹ Знаніе—ἐπιστήμη—Платонъ относитъ къ τὰ βιωτά βιωτά, или къ τὰς ἰδέας, а мнѣніе — δόξα — къ вещамъ, усматриваемымъ чувствами. См. Συμπоз. р. 202 А вѣр. Такъ какъ вещи чувствопостигаемыя не входятъ въ кругъ вещей ни τὰ βιωτά βιωτά, ни τὰν πύτων; οὐκ βιωτά; то δόξα, очевидно, должна находиться между знаніемъ и незнаніемъ.

положить, что непогрѣшимое тожественно съ погрѣшимымъ?—Хорошо, примолвилъ я. И явно, что мнѣніе, по нашему соглашенію, отлично отъ знанія. — Отлично. — Слѣдовательно, каждое изъ нихъ по природѣ можетъ¹ нѣчто отличное для отличнаго. — Необходимо. — Знаніе-то, должно быть, собственно говоря, можетъ знать существующее, каково оно?—Да.—А мнѣніе, говоримъ, — мнить?—Да. — То же ли это, чтѣ знаніе знаетъ? то же ли будетъ познаваемое и мнимое? или это невозможно? — По допущенному прежде, невозможно, сказалъ онъ; поколику, то-есть, отличная сила, по природѣ, бываетъ для отличнаго, а обѣ силы — мнѣніе и знаніе, В. сказали мы, отличны одна отъ другой. Изъ этого-то не вытекаетъ, что познаваемое и мнимое суть то же. — Если же существующее познаваемо; то мнимое не есть ли нѣчто отличное отъ существующаго?—Отличное. — Не о томъ ли мнится, чтѣ не существуетъ? или о несуществующемъ-то и мнить невозможно? Размысли. Мнящій не направляетъ ли къ чему-нибудь своего мнѣнія? или опять—возможно-таки мнить, но мнить ни о чемъ?—Невозможно. — Напротивъ, мнящій мнить, конечно, о чемъ-нибудь одномъ?—Да. — Между тѣмъ несуществующее-то не есть нѣчто одно, и вовсе неправильно было бы С. такъ названо. — Конечно. — Несуществующему вѣдь мы по необходимости придали незнаніе, а существующему—знаніе. — Правильно, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, предметъ мнѣнія не есть ни существующее, ни несуществующее. — Конечно нѣтъ. — Поэтому мнѣніе не есть ни незнаніе, ни знаніе. — Какъ видно, не есть. — Такъ не виѣ ли этихъ оно, превосходя знаніе ясностію, или незнаніе—темнотою?—Ни то, ни другое. — Не представляется ли тебѣ мнѣніе, продолжалъ я, чѣмъ-то темнѣе знанія и яснѣе незнанія?—И очень, сказалъ онъ. — Дсжа-

¹ Надѣюсь, что читатели не станутъ укорять меня за употребленіе глагола *можетъ* безъ неокончательнаго наклоненія. Я позволяю себѣ такое употребленіе его во-первыхъ потому, что близко слѣдую за греческою фразою: *ἐρ' ἐτίρω ἄρα ἔτερον τε δυναμίη ἑκείνη αὐτῶν πέφυκεν*, — во-вторыхъ потому, что глаголъ *мочь* въ русской рѣчи нерѣдко такъ употребляется.

- Д. щимъ внутри обоихъ?—Да.—Слѣдовательно, мнѣніе находится среди этихъ двухъ.—Совершенно такъ.—Не говорили ли мы прежде, что если что-нибудь представляется и существующимъ и вмѣстѣ несуществующимъ, то это что-нибудь лежитъ между истинно существующимъ и вовсе несуществующимъ, и что о немъ не будетъ ни знанія ни незнація, но откроется опять пѣчто среднее между незнаніемъ и знаніемъ?—Правильно.—Теперь же вотъ между ними открылось то, что мы называемъ
- Е. мнѣніемъ.—Открылось.—Значить, намъ остается найти, по-видимому, участвующее въ томъ и другомъ,—что есть и что не есть, и до точности правильно называемое некоторымъ, чтобы, если откроется, что таково само мнимое, мы справедливо давали вещамъ названія, къ крайнимъ прилагая крайнія, а къ среднимъ среднія. Или не такъ?—Такъ.—Но предположивъ это, пусть, скажу, говорить мнѣ и отвѣчаетъ тотъ добрый человекъ, который не признаетъ самого прекраснаго
479. и никакой идеи самой красоты, всегда себя равной и тождественной, а мыслить многіе прекрасные предметы,—тотъ любитель смотрѣть, никакъ не соглашающійся, когда ему говорятъ о бытіи одного прекраснаго и справедливаго, и о прочемъ такимъ же образомъ: въ этихъ именно прекрасныхъ предметахъ, скажемъ мы, почтеннѣйшій, не проявляется, думаешь, ничего безобразнаго? въ этихъ справедливыхъ—ничего несправедливаго? въ этихъ благочестивыхъ—ничего печестиваго?—Нѣтъ, сказалъ онъ, они по необходимости являются какъ-то и прекрасными и безобразными. Таково и все
- В. другое, о чемъ ты спрашиваешь. — Что же? величины двойныя являются менѣ ли половинными, чѣмъ двойными?—Не менѣ. — И большими также, и малыми, и легкими, и тяжелыми не болѣе будутъ называться тѣ, которыя мы называемъ, чѣмъ противныя имъ?—Нѣтъ, сказалъ онъ, каждая величина будетъ имѣть то и другое значеніе. — Такъ изъ многихъ величинъ та отдѣльная, о которой кто сказалъ бы, что она есть, — лучше ли есть, чѣмъ не есть? — Это, отвѣчалъ онъ, походить на обоюдности, произносимыя во время пировъ,

и на дѣтскую загадку объ убитой эвнухомъ летучей мыши¹, с. когда спрашивается, чѣмъ и на чемъ онъ убилъ ее; ибо въ ней—обоюдность, такъ что ни въ одномъ словѣ нельзя опредѣленно понимать ни бытія, ни небытія, ни того, ни другаго, ни никотораго. — Такъ можешь ли, спросилъ я, сдѣлать съ ними что-нибудь лучше, какъ положить ихъ между сущностію и небытіемъ, если они и не темнѣе несуществующаго, чтобы явиться болѣе несуществующими, и не яснѣе существующаго, чтобы стать выше сущаго?—Весьма справедливо, сказалъ онъ.—Слѣдовательно мы, повидимому, нашли, что тò многое, въ простонародьи относительно къ прекрасному и прочему законное, колеблется между несуществующимъ и истинно существующимъ.—Нашли.—Но у насъ еще прежде положено, что представляющееся такимъ должно называться мнимымъ, а не познаваемымъ, такъ какъ, блуждая въ срединѣ, оно уловляется силою среднею.—Положено.—Слѣдовательно, тѣ, которые усматриваютъ многое прекрасное, а самого прекраснаго не видятъ и не слѣдуютъ за ведущимъ къ нему другимъ, которые усматриваютъ многое справедливое, а самого справедливаго не видятъ, и все такимъ же образомъ,—тѣ, скажемъ, обо всемъ мнать, не зная того, о чемъ имѣютъ мнѣніе.—Необходимо, сказалъ.—Но что опять тѣ, которые созерцаютъ самое недѣлимое, всегда тожественное и себѣ равное? Не правда ли, что они знаютъ, а не мнать?—И это необходимо.—Стало-быть, мы согласимся, что послѣдніе лелѣютъ и любятъ то, что знаютъ, а первые,—о чемъ имѣютъ мнѣніе? Развѣ не помнимъ, что такіе-то, говорили мы, любятъ и 480. имѣютъ въ виду прекрасные звуки, цвѣта и тому подобное, а

¹ Scholiast. ad h. l. Κλεάρχου γρίφος. Αἰνός τις ἔστιν, ὡς ἀνὴρ τε κοῦκ ἀνὴρ, ὄρνιθα κοῦκ ὄρνιθα, ἰδὼν τε κοῦκ ἰδὼν, ἐπὶ ξύλου τε κοῦκ ξύλου κατημένην, λίθω τε κοῦκ λίθω, βάλωι τε κοῦκ βάλωι. — "Ἄλλως ἄνθρωπος οὐκ ἄνθρωπος, ἄνθρωπος δ' ὄμως; ὄρνιθα κοῦκ ὄρνιθα, ὄρνιθα δ' ὄμως и т. д. Изъясняя эту схолию Буддей, Commentar. Lingu. Gr. p. 749, говорить: Etenim hæc ambigi, hoc est ambigua esse et controversa, in utramque partem magis vergant, ut νυκτερίς nec avis est nec non avis, sed ambigua inter avem esse et non esse; et eunuchus nec est vir plane nec non est vir. Наec enim et similia μεταξὺ που κλιθεῖται τοῦ τε ὄντος καὶ μὴ ὄντος.

что касается до самого прекраснаго , то даже не допускаютъ его существованія?—Помнимъ. — Поэтому, мы не погрѣшимъ, если назовемъ ихъ скорѣе любителями мнѣній , чѣмъ любителями мудрости (философами)? Только не очень ли прогнѣваются они на насъ, если такъ назовемъ ихъ?—Нѣтъ, лишь бы повѣрили мнѣ , сказалъ онъ ; потому что за правду гнѣваться не слѣдуетъ. — Напротивъ, лелѣющихъ самое недѣлимо существующее надобно именовать любителями мудрости, а не любителями мнѣній?—Безъ сомнѣнія. —
